
ПРОЗА

Александр Рей
(г. Гомель, Белоруссия)

ОТРЫВОК ИЗ МИСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «КЛУБОК 31»

Александр Рей (Евгений Иващенко) родился в 1986 г. в г. Орджоникидзе. Бакалавр психологии, гештальт-терапевт, арт-терапевт. Научно-популярные статьи и короткие рассказы публикуются в периодике Беларуси и России. В 2011 году в издательстве «Вектор» (СПб) выходит книга «Жизнь на грани взлета, или как пережить переживания и начать жить». В 2013 г. в издательстве «Гисфир» выходят три книги: «Пустышка. Исповедь, человека, которого нет», переиздание «Жизнь на грани взлета», и детская сказка с авторскими иллюстрациями «Сказки детям индиго». От украинской киностудии film.ua поступает предложение экранизировать «Пустышку», а от «Творческой мастерской современных форм искусства «ОБОИ» — поставить спектакль. Готовятся к изданию мистический роман «В поисках настоящего», повесть «Клубок 31», фантастический роман «Буквоед» и сборник рассказов «Сочинение на свободную тему» в книжной серии «Эзотерический бестселлер». Живет в г. Гомеле.

* * *

Скорее всего, в каждом городе есть «территория юности» — место сбора молодежи. Просто когда-то кем-то (конечно же, городскими властями) ставится памятник кому-нибудь, какой-либо известной личности общенационального или конкретно локального масштаба. Или же это может быть небольшой скучный скверик где-нибудь в центре. В общем, это должна быть чем-то выделяющаяся территория, чтобы ее нельзя было ни с чем спутать, где можно шумно посидеть и обязательно в центре города.

Поначалу это самое место наводняют все, кому не лень. Но затем оно начинает набирать баллы среди молодежи. И вот уже по вечерам все близлежащие скамейки и парапеты оккупированы юнцами от пионерского до комсомольского возраста. Проходит еще немного времени — и такой пятачок переходит из разряда обычного «места встреч с друзьями» во что-то большее — в знак. В символ свободы, раскованной молодости, опьянения и потешных сексуальных игр. В общем, всего, что так важно и дорого для людей с ветром в голове, шилом в заднице и достоинством в состоянии вечной боевой готовности.

Скорей всего, в каждом городе есть «территория молодости». Мой город — не исключение. Такое место-символ все называли коротко и просто — фонтан.

— Ты идешь сегодня на «фантик»? — можно услышать слова, произнесенные разукрашенным подростком, буквально в любой точке города.

Почему именно фонтан стал местом дислокации юной поросли в попугайных одежках, понять несложно. Во-первых он находится в самом центре, с одной стороны упираясь в круглое здание цирка, похожее на созданную воображением бесталанного фантаста летающую тарелку, и торчашую над всем городом тощую телерадиовышку, а с другой — в так называемый танк — памятник, воздвигнутый на здоровенном куске бетона и служащий напоминанием о событиях далекой войны. Присутствие человека среди такого скопления знаковых объектов действует гипнотически. По крайней мере, на меня.

Во-вторых, сам водомет представляет собой зрелище впечатляющее, особенно для не привыкших к спецэффектам и качеству русских людей. На то и молодость, чтобы удивляться. Чем старше человек, тем меньше диковин способны вызвать у него это чувство. Фонтан, поражая, притягивал младое племя. Пляска кружащихся в хороводе струй, всполохи ярких цветов и сверкающие тяжелые капли — все это завораживало. А если к этому добавить гомон падающей воды, вводящий в транс спокойствия, то становится вполне возможным понять еще одну причину выбора молодым именно этого места.

Красный... И дерзкие струи возносятся к небу, забывая о силе тяжести и, в наказание за это, с грохотом обрушиваются, шумно ударяясь о зеркальную твердь в большом прямоугольном бассейне.

Зеленый... И танец, напоминающий о новогодней елке, пошел кружить вальсом, перекрещивая, как шпаги, тонкие нити воды.

Желтый... И пик праздника обрывается тишиной, которой здесь явно не должно быть. Все замирают. Все ждут. Вот оно!

И полифония цветовой стихии вновь играет на полную мощь, раскрасив напрасное молчание всей палитрой радуги. Феерия вмиг воскрешает гул веселья. Веселья, вечного спутника юности.

Так надо. Именно за этим сюда пришел каждый.

* * *

Осень никогда не наступает сразу. Не бывает так, что, засыпая летним вечером, проснувшись, наутро видишь за окном сентябрь. Всегда видна борьба — когда сезоны, заклятыми врагами вцепившись друг в друга, сражаются за право на жизнь. Битва может продолжаться целый месяц, а может всего лишь неделю. Только зачем? Ведь все равно побеждает тот, которому суждено.

Осень благородна...

Каждый раз, из года в год, она блюдет традицию — предупреждать, намекая людям, живущим с надеждой, что лето еще хоть чуть-чуть продержится, о своей окончательной победе. Она повсюду оставляет сигналы, предупреждающие, что лето выбило из сил, ослабло и готово пасть смертью храбрых.

Чтобы увидеть эти симптомы, достаточно открыть глаза, прислушаться, втянуть обновленный воздух — и сразу становится ясно — пора доставать свитер и шарф.

Собираясь на фонтан, я напялил на себя побольше вещей. Под кожаной курткой, доставшейся от отца, потрепанной, но вполне сносной, тело защищал теплый, священный мамой, свитер, а шею укутывал, не давая вероятному ветру добраться до нее, шелковый шарф. Оделся я специально потеплее. Не зная, зачем мне нужно быть на фонтане в восемь, но слушая внутренний голос, шептавший, что это ОЧЕНЬ

ВАЖНО, я решил сделать все возможное, чтобы уйти оттуда только по собственному желанию.

До пункта назначения остается всего пару минут.

В ушах играло именно то, что максимально подходило к выбранному месту, времени и ощущениям. Кажется, это был Софикс.

Я глубоко вздохнул, набрав тяжелый, мокрый воздух в грудь, будто затянувшись сигаретным дымом. Пахло осенью.

Через дорогу стояли четырехэтажные «сталинки» (громоздкие, с высокими окнами) тонущие в облаках с третьего этажа. Куда ни посмотри — над городом белесой шапкой висит то ли дождь, то ли туман. Весь воздух состоял из воды. Из-за этого дышать становилось тяжело и свежо одновременно. Тяжелая свежесть заполонила все. Красные огни телевышки тонули в тумане.

Влага, собираясь на волосах и одежде в холодные капли, говорила, что она — знамение, символ побежденного лета.

Почему именно такой день стал спутником той встречи, мне было непонятно. Хотя... Когда еще может произойти что-то важное, кроме как в день падения лета, в день абсолютного торжества осени?

Пройдя, наконец, здание цирка, я достиг цели — мне открылся вид на фонтан. Невластный над собой, я замер. Алая кровь вместо воды была со дна каменного бассейна. Как же это красиво...

Несмотря на прохладу, почти перешедшую в холод, народа на тусовке было много. Видимо, еще не постигнув или не желая понимать, что пришла осень, а вместе с ней — и пора работы-учебы, люди моего города продолжали жить летом.

Скоро иссякнет водомет, и накроют опустевший кратер тяжелыми досками, готовя к зиме. Тогда только до них и дойдет, что ушло что-то важное...

Завянет водяной цветок...

* * *

Я не без труда нашел свободный кусочек паркета — буквально все кишмя кишело людьми. В этом маленьком оазисе, среди уставшего за день города, царил фиеста — богиня праздника и веселья. Все, буквально все на этом островке, совершенно не вписывающемся в общую картину вечно туманного города, жили. Или только начинали жить... Я чувствовал, как, войдя на эту территорию «неконтролируемой радости и вечной молодости», вся моя сущность (тело и душа, мысли и желания) противятся, не желают находиться здесь. Не знаю даже почему. Но интуиция или какая-то глубинная память подсказывала, что на этом самом месте есть что-то важное и я должен ЭТО найти. Конечно, глупо — «пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что».

Как когда-то сказал брат, когда я не смог купить вовремя билеты на концерт моей любимой группы и, сидя в квартире, мучился, не зная, как поступить: «Если останешься дома, то тогда, сто процентов, на концерт не попадешь...». Тот урок мне запомнился надолго, наверное, потому, что концерт был обалденный, особенно когда я смог на него попасть даже без билета, всего лишь оторвав зад от насиженного дивана.

Усевшись, я первым делом достал из пачки сигарету и, прикурив, начал, от нечего делать, смотреть на шевелящийся внизу муравейник. Глаза рыскали, перепрыгивая с одного лица на другое, в поисках... М-м-м... В поисках впечатлений... Я просто был уверен, что найдя то, что ищу, сразу же это почувствую.

Так, проведя в безуспешных потугах некоторое время, я решил положиться на

судьбу и больше не прикладывать никаких усилий. И, чтоб закрепить свое решение, залез в пакет с провизией, предусмотрительно захваченный с собой. Пачка чипсов, три банки «Туборга» и интересная книжка — вот и все необходимое. С таким запасом я могу пережить хоть потоп. Нашупав прохладную банку, я достал ее и вскрыл, с удовольствием отхлебнув. «Все одно, с пивом время течет быстрее», — поймал я себя на мысли.

Не знаю, сколько прошло времени, пока, переводя взгляд на очередное (по идее ничего не значащее) лицо, я не наткнулся на глаза, упорно меня изучающие. Взгляд принадлежал молоденькой девушке. Вокруг нее гудела очередная шумная компания. Но она тихонько сидела на ступеньках сцены, обняв колени руками. Смотрела и улыбалась... Мне.

Рыжие волосы, скрывающие плечи, синие, потертые джинсы, рюкзак по левую сторону и улыбка как неотъемлемые черты ее имиджа.

Я встал, подобрав пакет, и направился к ней. По пути, пока я приближался, к ее образу добавлялись все новые черты: румяные, будто накачанные алкогольным весельем, щеки, усыпанное веснушками лицо и глаза, то ли зеленые, то ли карие. А еще — улыбка... Оказалась с чувственностью юношеской наивности и верой в хорошее.

Я бы даже сказал, что девушка была красива.

— Привет, — приблизившись к ней, поздоровался я.

— Привет, — улыбнулась она мне сияюще, смешно прищурив глаза.

И я, как дурачок, стоял и улыбался ей в ответ, наверное, потому что был счастлив. Ведь я все-таки нашел...

Так начался в моей жизни год «разума и сердца» — осознания и чувств. И в этот год я совсем забыл о красном клубке, закинув его под кровать.

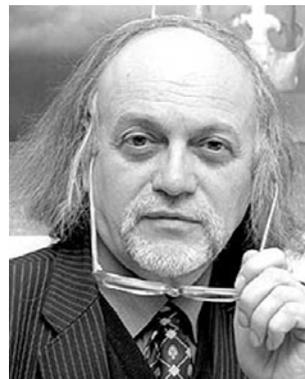
Я погрузился в настоящее и начал неосознанно искать себя в НАС.

Даже спустя целый год, а затем — и всю жизнь я так и не разобрался, какого цвета у нее глаза. Видимо, все зависит от настроения. Когда ей хорошо, они становятся зелеными, а когда плохо — карими.

Наверное, так...

Вадим Яр
(г. Минск, Белоруссия)

ОЗЕРО

Вадим Яр (Вадим Алексеевич Салеев) родился 27 мая 1939 г. в г. Ленинграде. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (со специализацией по искусству — 1962 г.). В 1967 г. поступил в аспирантуру кафедры эстетики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, которую окончил в 1970 году. В ученом совете МГУ защитил кандидатскую — «К проблеме формирования художественной оценки» (1972 г.) и докторскую — «Аксиологические основания национальной художественной культуры» (1992 г.) — диссертации. С 1970 по 1996 работал на кафедре философии БПИ (ныне БНТУ) преподавателем, ст. преподавателем, доцентом, профессором.

В 1990 году избран первым вице-президентом Белорусской эстетической ассоциации. В 2000 году присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры РБ». С 2002 по 2004 год был главным редактором журнала «Мастацтва» Министерства культуры РБ. Является членом Международной Академии технического образования, Белорусской Академии архитектуры, Московской академии гуманитарных исследований, членом-корреспондентом Петровской академии науки и искусств (г. Санкт-Петербург, РФ), членом 4-х творческих союзов.

— Вставай, вставай, Паша,— толкала в бок Анка.— Ну, вставай, правда, какой ты соня! Посмотри, как красиво!..

Романович с трудом разлепил глаза, осмотрелся. Одеядо байковое надвинуто аж до горла, а на нем еще ватное, и все равно сверху и слева дуло. Справа, где лежала Анка, было, конечно, жарко...

— Ну, давай же, соня,— тербила Анка. Ее карие с янтарным оттенком глаза смеялись уже в такую рань.

Романович подтянулся, опершись на обе руки, рывком вскочил. Холод сразу окутал с головы до пят.

— Чего радуешься, дева? С чего у нас поутру веселия глас?

— Ну посмотри! — Анка подбежала к окну и рывком отодвинула занавеску. Заиндевевшее стекло едва пропускало бледный безжизненный свет и, сквозь щели, мелкие снежинки.

— Господи,— сказал Романович,— белые мухи... Вот радость-то...

— Да, радость,— энтузиастично подтвердила Анка.— Да посмотри же хорошенько!..

— Все такое чистое, белое...

Вздохнув, Романович стал одеваться. Пока надевал трусы, холод, казалось, опоясал его в три слоя. Спасение, пожалуй, было в гимнастике. По-мельничному мельтеша руками и наклоняясь вправо-влево, Романович добрался, наконец, до окна.

— Ну, видишь? — от нетерпенья глаза Анки расширились и вся она, как ракета, готова была в следующую секунду взметнуться ввысь.

— Какие узоры! А там, вон, посмотри, на пригорке — елка, верхушка припушена, как короной накрыта...

Вид и вправду впечатлял. Не только узоры на окне, не только корона на елке. Снег — новенький, первозданный ноябрьский снег — блестел на солнце, искрился. Усилием воли Романович подавил вздох восхищения и, как только мог солиднее, изрек:

— Узоры как узоры. Елка как елка.

Анка кулачками забарабанила по его спине.

— Сухарь противный! А еще писатель...

Романович сделал пробежку — назад к кровати. С еще большей серьезностью молвил:

— Мисс, я просил бы Вас так меня не называть. Я не волшебник, еще учусь. И потом, я не писатель, я...

— Драматург, драматург, драматург!

— Я с Вами, мисс, поговорю об этом в следующий раз. И позвольте заметить, так вольничать, как Вы позволяете себе сейчас, Вы не имеете морального права... Во всяком случае, на этот час...

Он накрылся с головой одеялом, чтобы не слышать Анкины возражения. Но доспать все равно не удалось. Раздался стук и сразу же — сиплый бас Авхимыча:

— Гэй, маладыя! Бабка Михеиха клича, сняданне паспела!

— Сняданне паспела... — нежно пропела Анка. — Вставай же, наконец, тунеядец!

Романович со стоном отбросил одеяло и стал натягивать брюки и свитер. По окончании этой непростой — в холоде! — процедуры обнаружились новые сложности.

— Физию-то ополоснуть...

— Вот-вот! — мстительно прокомментировала Анка. — Настоящий кавалер первым делом заботился бы о даме!

У двери Романович перехватил ее, сжал в объятиях и протащил два-три метра по комнате к зеркалу. Зеркало висело около двери скособоченно-перекошенно, было старое и покوروبленное, однако, кое-как, сквозь паутину старости, отражало поясной, так сказать, портрет. Романович и Анка стояли и смотрели в зеркале друг на друга. Он — светловолосый, сероглазый, чуть выше среднего роста, она — стройная, ладная, темноволосая, с живыми янтарными глазами. Паутинки-трещины несколько удлиняли уши и носы.

— Хороши... — Анка улыбнулась.

— Хороши не все, — подчеркнуто рассудительно сказал Романович. — Вы, девушка, после завтрака изготовьтесь — у нас будет серьезный, очень серьезный разговор.

— И на какой предмет? — открытая улыбка делала Анку почти неотразимой.

Романович не ответил, но погрозил пальцем и исчез за дверью. В узком коридорчике был умывальник, под ним стоял таз. Романович несколько раз плеснул себе в лицо, нажимая снизу на пипочку умывальника, потом прополоскал рот и, тихо поскуливая от холода, ринулся назад в комнату, где на него с осуждением посмотрела Анка:

— Культурный человек никогда не преминет утром почистить зубы, — наставительно сказала она.

— Ну, разве не видно, что я не совсем культурный? — отозвался Романович, вытирая лицо шершавым полотенцем. Уши он протер тоже и теперь с неудовольствием морщился.

— Видно, видно, — утешила его Анка.

В коридоре послышалось гроыханье — припадая на одну ногу, снова шел звать «снедать» Авхимыч. Просунул в дверь кудлатую голову:

— Кольки можна кликать...

— Идем, идем,— в один голос откликнулись Романович и Анка, а Романович добавил:

— Сей секунд, отец!

Он натянул куртку на свитер. Анка давно уже была одета почти аналогично, только свитер у нее был голубой с белыми оленями, скачущими по груди, а у Романовича — однотонный бутылочного цвета.

Вслед за Авхимычем они вышли из коттеджа и направились в столовую — домик в трех шагах. Снег под ногами искрился, скрипел. Все пространство дышало какой-то позабытой уже городским человеком первозданной свежестью. Не хотелось идти в помещение: стоял бы и смотрел на могучие ели меж нескольких домков, конфетти инея на ветках, расходящиеся вдаль заснеженные тропки.

— Дакудава ж вас чакаць? — укоризненно скрипел Авхимыч, стоя на приступке столовой. Большой, несграбный, кудлатый, он вызывал ощущение чего-то родного, хотя знакомы с ним Анка и Романович были всего один день.

...Именно накануне, 5 ноября, они решились — как головой в прорубь — на поездку в Острошицкий городок. Через две недели там же должен был начаться семинар, посвященный итогам конкурса по драматургии. Приглашение хранилось у Романовича в портмоне вместе с членским билетом Белорусского театрального общества (БТО). Было известно, что на семинар приедут маститые драматурги из Москвы, распределенные руководить группами «семинаристов», молодых драматургов. Среди имен самые звучные — Арбузов, Розов, Володин, Салынский. С белорусской стороны в помощь им тоже был выделен живой классик — Андрей Макаенок. Вот перед этой, по-своему судьбоносной, встречей Романович и решил провести некий дополнительный, так сказать, самотренинг: побыть на природе, собраться внутренне.

Раньше Романович ни о чем подобном не мог и мечтать. Жизнь, можно сказать, пока не задалась. В свои двадцать шесть лет перепробовал многое: окончил университет, работал методистом по народным театрам в Министерстве культуры, потом преподавал в техникуме предмет «Эстетическое воспитание», потом какое-то время провел в республиканской молодежной газете, затем подвизался в райкоме комсомола сначала инструктором, потом зав. отделом. Потом снова сделал кульбит: очутился в одной из наиболее влиятельных республиканских газет, «третьим» в отделе культуры. Отдел возглавлял Круглик — строгий мужчина лет пятидесяти, в очках, с сигаретой в углу рта, крайне лаконичный, методичный, с негромким внятным голосом, отдававшим распоряжения так, что делать ничего не хотелось. Обстановку в отделе смягчала Римашевская — полноватое, певучее, синеглазое существо. Ей было лет тридцать, она закончила Литинститут и очень положительно влияла на Романовича. В частности, не жалела времени на редактуру его небольших корреспонденций («Краткость — сестра таланта,— изрекал Круглик, поднимая вверх указательный палец.— Тот, кто пишет доходчиво тридцать строк, сможет потом написать все, от правительственной телеграммы до эпопеи»). Римашевская разделяла взгляды Романовича на литературу и даже иногда прибирала в его комнатке, которую он снимал с помощью матери, присылавшей деньги из Витебска (отца у Романовича не было).

Плохо было то, что эта добрая душа была замужем за капитаном, которого Романович про себя называл «толоконный лоб». У них была пятилетняя дочь. Иногда капитан на «Москвиче» приезжал в редакцию и ждал супругу, нахмутив брови. Об отношениях с ним Римашевская не распространялась, но Романович чувствовал, что ей нелегко тянуть семейную лямку. Римашевская часто приходила на работу с припухшими от слез глазами и тогда Романович полдня надрывался по части юмора, чтобы снять ее напряжение.

С Анкой они познакомились в райкоме комсомола в прошлом году. Она была из

сектора учета на часовом заводе. Одновременно училась на вечернем отделении иняза. Во время одного из частых пленумов райкома Романович заметил темноволосую головку, округлое, светящееся весельем лицо и чуть раскосые янтарные глаза. В перерыве, когда она живо обсуждала что-то со своей непосредственной начальницей, зав. финансовым отделом райкома, Романович возник перед ними и как ни в чем не бывало произнес:

— Можно тебя на минуточку?

Когда они отошли, уже заметно волнуясь, сказал:

— Меня информировали, что ты новенькая зав. сектором учета часового, а мы как раз тут планируем одно мероприятие культурно-массового характера...

— Скажите честно, вы это только что придумали?

Романович почти с облегчением рассмеялся:

— А как ты догадалась?

— Ну разве не видно? Издалека видно,— в открытой улыбке лицо девушки еще больше округлилось, на левой щеке появилась ямочка. Улыбка была такой заразительной, что и Романович не удержал серьезную мину — тоже улыбнулся.

— «...Как эта круглая луна на этом круглом небосводе»,— не совсем кстати процитировал он. Анка усмехнулась и отошла. Так они познакомились.

Неожиданно, уже месяц спустя, стали встречаться. Сначала раза два на неделе, потом каждый день. Постепенно Романович осознал, что любое более-менее значащее для него событие он подсознательно стремится обсудить с Анкой, посмотреть, как сузятся или распахнутся ее глаза. Странно — ведь, как полагал Романович, по сути она была совсем еще не знавшее жизни дитя. В апреле нынешнего 1966-го ей только исполнилось девятнадцать.

Сам Романович со всей своей биографией казался себе матерым волком, самоуверенность которого мог поколебать разве что авторитет Круглика.

...В домик-столовую вместе с ними ворвался морозный воздух, запах инея, ощущение юности и свежести. Михеиха — женщина неопределенных лет, толстая, добродушная — поставила на стол огромную сковородку, где шкварчало сало и оранжевыми всполохами торжественно сияли четыре огромные глазуньи.

— Куда нам так много?! — ужаснулась Анка.

— Ничога! Вы, маладыя, такая уже здыхли, падьесци трэба!

— Ничога не здарыцца, усе дабром абернецца,— поддержал хозяйку Авхимыч, усаживаясь за соседний столик. Всего столов в столовой было четыре. «Для семинара явно маловато»,— словил себя на мысли Романович. Пока, однако, было очень уютно и славно. Невесть откуда появился серый кот и устроился возле Авхимыча — тоже, видно, хотел поучаствовать в трапезе. Судя по довольному урчанию, желание его сбывалось...

— Ну,— Анка почти с отчаянием посмотрела на Романовича.— Ну, что делать?.. Я ведь не ем свинину. Посмотри, какое толстое сало... Бр-р-р!..

— Что делать, сеньорита, что вы оказались такой твердой приверженкой иудейского вероучения...

— Я?..

— Именно вы, раз отказываетесь потреблять этот чудодейственный продукт наших мест... Я, например, с превеликим удовольствием...

— Врешь, все ты врешь! Даже ты не проглотишь этот (она показала вилкой) кусман. Вот видишь, не ешь!..

— Это вы убедили меня. Днями перехожу в иудаизм... Но яйцо-то, мадемуазель можно скушать, восстановить угасшие за ночь силы...

— А кто виноват?..

Романович не дал ей договорить:

— Об этом — после, как и было обещано. Подробно, обстоятельно... Не сейчас...

Поев кое-как и наскоро хлебнув какао, они вышли во двор. Солнце уже окончательно пробилось сквозь облака, снежок поблескивал слюдой. Морозец вливал свежесть, разгонял ее по жилам, здоровил и крепил тело — Романович очень остро это ощущал. «Тело,— подумал он.— Только ли тело?..» Анка опять тянула его за руку, норовила еще и еще ускорять шаги.

— Куда несемся, мадемуазель? На экспресс опаздываем?

— Опаздываем,— эхом откликнулась Анка, но тянуть за собой Романовича все же перестала.

Под уклон они все же почти промчались, потом, заново набрав ход, мигом взобрались на пригорок. Здесь перед ними открылось озеро. Оно матово поблескивало серебристой голубизной — первый ледок сковал воду у берега, но вблизи видно было, что на середине вода еще борется с течением пытается преодолеть оковы, а они все равно приближаются... Солнечный блик, гарцуя, перемещался по всей озерной глади...

— Как хорошо!

— Хорошо-то хорошо,— банально начал обещанное нравоучение Романович,— да ничего хорошего. Гармония в природе, учили предки, должна совпадать с благоволением в человеках...

Почти без перехода, резко, надрывно, испугав себя самого, выдохнул:

— Обидела ты меня, Анка, крепко обидела...

Анка будто ждала и мигом отозвалась:

— Прости, Пашенька... я не виновата, ты видел сам — я не могла, вернее, не смогла...

Романович криво усмехнулся

— Ну, конечно же, мадемуазель — честная девушка. А принцип честных девушек — ни за что не отдаваться гнусным животным-мужчинам в первую же ночь.

— Нет, не так, Паша,— быстро и горячо ответила она. Помолчав, добавила: — Но, Пашенька, я не могу... ты же видел — не могу...

Она заглядывала Романовичу в глаза, в янтарном взгляде мешались сомнения, колебания, вопросы... Романович смотрел в сторону.

Они подошли к самому берегу озера и медленно пошли вдоль кромки льда, под которой просматривалось желтоватое дно. Романовичу даже показалось, что там мелькают маленькие тени — рыбки.

— Ты видела? — спросил он Анку.— Рыбок видела?

Она отрицательно качнула головой, потом отбежала на бугорок, подобрала небольшой крепкий прутик и начала протыкать им лед. Возник своеобразный эффект шампанского: вода всплескивалась снизу пузырьками, проливалась на лед, ртутью блестела на солнце.

— Анна, мы должны уточнить наши отношения,— сказал Романович. Казалось, слова металлом звенели в морозном воздухе.— Ты уже не маленькая, все ты понимаешь, притворяйся нам, я считаю, стыдно, а ночь мы провели безобразно. Твое конкретно поведение я определяю как садистское... И, отчасти, как актерское, то есть лицемерное... честные женщины так себя не ведут...

— Пашенька,— снова жалобно сказала она. По невидимому желобку голос ее тонким ручейком восходил в морозную высь.— Пашенька, миленький, я же не нарочно... И потом, зачем ты меня назвал женщиной...

Романович не слушал ее и с болью вспоминал прошедшую ночь. Как иступленно целовались при тусклом свете бра, как он оказался на Анке и всей длиной своего тела ощущал ее хрупкую фигурку — всю, целиком. Как блестели ее глаза, как круглились грудки и руки, прикрывавшие низ живота... Вспоминал сложное чувство нежности и злости, охватившее все его существо, когда к середине ночи выяснилось, что

Анка не собирается уступать... Так это и отпечаталось в мозгу: тусклый свет, ее блестящие глаза, в этом свете почти черные, вся ее хрупкая фигурка, которую он как щупальцами охватил своими конечностями, верхними и нижними... Холод сверху и жар снизу, родное дыхание — такое же прерывистое, как и его собственное...

— ...И потом, Паша,— вдруг твердо и внятно сказала она,— я вообще не могла. Мужчины бывают такими глупыми. Ну... элементарного не понимают...

Она засмеялась. Будто звонок колокольчика пронесся вдоль берега над застывающей водой, вдоль прибрежного ледка, вдоль... вдаль... Романович будто очнулся. Поднял голову, выдохнул воздух и тоже улыбнулся. Тонкая струйка пара растаяла в морозном воздухе. Вслед за ней хотелось подняться, вывысь, вдаль...

— Вот бы, Аннушка, взлететь...— обняв за плечи подругу, сказал Романович.— Представь, что мы над этим самым озером на воздушном шаре... Представь, закрой глаза, скажи, что ты чувствуешь... Представь, что под нашим шаром разгорается огонь, представь, что мы поднимаемся все выше...— Сам он открыл глаза, но еще крепче обнял подругу.— Не подсматривай. Говори, что ты видишь?..

— Вижу внизу, далеко—далеко лес, а за лесом — поля... Совсем белые...

— Смотри вниз. Видишь наше озеро?

— Оно маленькое-маленькое... Как блюдце...

— Ах, Аннушка, вот и мы с тобой такие маленькие! А мир огромный и белый...

— Пашенька,— сказала Анка,— я так верю в тебя. Ты все преодолешь и будешь настоящим драматургом...

— Не знаю, Аня, не знаю,— серьезно сказал Романович.— Но знаю, что хочу этого. Еще хочу, чтобы ты была со мною рядом.

— Я буду, Пашенька,— так же серьезно сказала она,— только ты не должен так переживать. А то вчера ты аж в лице переменялся...

— Переменишься тут,— усмехнулся Романович.— Все отдал девушке, а она — нет, и все...

— Ну, Паша...

— Ладно, замнем для ясности. ...А что теперь видно с нашего шара?

— Даль... дали...

— Точно,— подтвердил Романович, кружа ее в объятиях.— На востоке — видишь? — много дыма и много-много маленьких кубиков... Это — дома и это — Москва... А теперь посмотри на юг — там тоже кубики и кубики... Это — Киев... А на севере корабли, море, тоже кубики — Рига... На западе — тоже дымы, только их вязь поизящнее, это — Варшава...

Закружившись, они упали на снег.

— Всегда так,— сказала Анка.— Вознесешься и упадешь...

— Да... А как ты хотела в СССР накануне 50-летия Великого Октября?..

— Прорвемся, Паша, прорвемся!

— Комсомолка ты моя...

Тесно обнявшись, они лежали на земле и смотрели в небо, на белые облака.

— Смотри,— встrepенулась Анка,— между облаками просвет — точь-в-точь как наше озеро. Будто оно отразилось в небе... А теперь оно уменьшается... Облака затягивают его... Неужели пропадет? Смотри, смотри — кусочек все равно остался!

— Ну, хоть кусочек, да наш.— Романович еще крепче обнял ее.— Есть, значит, надежда. Хоть надежда-то есть!

Резко поднявшись, Романович потащил за собой Анку, снова схватил в объятия, закружил что было силы. Пошел снежок. В кружении снова были видны все стороны света — дачи на юге, лес на севере, пригорок на западе и — озеро на востоке, снова и снова — их озеро...

Алена Занковец
(г. Минск, Белоруссия)

ОСЕНЬ НАСТОЯЩАЯ

Родилась в 1981 году в Минске. Окончила БГУ по специальности «международная журналистика». Работала спецкором отдела культуры газеты «Знамя юности», шеф-редактором газеты «Вестник культуры», главным редактором рекламного журнала «Что почем». Автор сборника стихов «Такой же свет» (2001). Стихи и рассказы публиковались в журналах «Немига литературная», «Женский журнал», альманахах «Интерлит», «Полоцкая ветвь-2014», антологий «Современная русская поэзия Беларуси» и др. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2010 года.

Не было никакой озябшей сирени. Не было его рук. Вернее, все это было, но только в моем воображении. А на самом деле — пьяновато-веселый голос в трубке: «Наконец-то ты дома! Я так соскучился. Приезжай ко мне побыстрее!»

— Конечно, конечно...

Конечно, нет.

Я была обижена и расстроена. Почему меня нельзя встретить по-нормальному? Он же знает, как я не люблю, когда он пьет.

И я не поехала.

Я приехала к нему только на следующий день. Он лежал на расстеленной кровати. Вчера я думала, что за ночь все изменится. Он встретит меня, улыбаясь, сгребет в охапку: «Почему не раньше?» А все оказалось еще хуже, чем было. Он едва ворочал языком. Я с трудом разобрала слова.

— Приехала?

— Да. Знаешь, я никогда не видела тебя в таком состоянии.

— Я... никогда и не был... в таком состоянии. Вчера у соседей... был День рождения. Я выпил немного. Ты обещала, что приедешь... Я всю ночь ждал. А ты... ты не приехала.

Он всхлипывал. Его плечи вздрагивали, как у ребенка.

Я опустила на колени и стала целовать его лицо.

— Ты... не приехала... Как ты могла? Почему... Мне было так плохо. Ты забрала у меня полжизни... Я ждал...

— Солнце, я не буду так. Извини. Извини меня, Солнце. Я не знала... Я люблю тебя.

На следующий день я написала в деканате объяснительную записку. Отдыхала на Черном море. Билетов на конец августа не достать. Опоздала на три дня. Sorry. А еще через несколько часов вместе с Лерой, моей одногруппницей, выехала в районный центр — город Воложин — отбывать практику.

По идее, наша командировка оплачивается. Суточные, правда, смешные: 500 рублей. Но за месяц «набегает» две стипендии.

Воложин, как Воложин. Пятнадцать минут ходьбы из одного конца города в другой. Пятиэтажные домики, где под окнами растет картошка и свекла. Козы, жующие травку. Груши, падающие прямо под ноги. Люди, сплошь одетые в черные кожаные куртки.

В редакции районной газеты вытаращили глаза: «Двое практикантов?» Нет, ни из какого деканата не звонили (еще бы!). И в документах в названии газеты вместо «слава» написали «слово».

— Задания будете придумывать себе сами. Может, кое-что подскажем. А пока полистайте газету, скажите, чего нам не хватает.

— Материалов на международную тему,— сообщила я через пять минут. Это как раз совпадало с заданием журфака составить за практику международный дайджест.

— Нет, народ. Нас интересуют только новости района.

— Сегодня придется переночевать здесь, в квартире у моей бабушки.

Я поежилась от холода:

— А иначе никак нельзя?

— Никак. Завтра утром сходим в местную гимназию, спросим, что надо, и домой.

— А это серьезно, что у них здесь в квартирах не бывает горячей воды?

— Серьезно.

— Лера, хочешь «Тузика»?

— Нет. Я вообще не понимаю, как можно целыми днями есть сладости.

— А я не понимаю, как их можно целыми днями не есть.

Погоуляли по городу, купили вино, чтобы скоротать вечер, а заодно и не замерзнуть. Когда наступили сумерки, зажгли на кухне лампу, прикрыли ее чем-то, чтобы было не так светло. Заварили зеленый чай. Болтали до самой глубокой ночи. Было уютно и не холодно.

Наши кровати стояли в разных концах комнаты. Мы накрылись одеялами, а покрывало положили посередине, на полу. Кто первый замерзнет, тот его и возьмет. Но ночью стало холодно настолько, что никому и в голову не пришло вылезать из-под тепленького одеяла за покрывалом.

— Жасмин, мы вчера пластмассовый абажур от лампы спалили.

— Я-то думала, что за запах...

Создания на заднем сидении автобуса гигикали, мешали читать. Когда один из них сильно толкнул Лерино кресло, она обернулась и отчетливо попросила его, лоха, заткнуться.

— Лошица,— ответил он.

Минск. Когда я спускалась вниз по горочке, проходя последние сто метров до моего подъезда, меня кто-то окликнул. Я обернулась. Передо мной стоял так хорошо знакомый мне доктор-офтальмолог из санатория, где я отдыхала этим летом.

— А ты идешь, ветер волосами лицо закрыл, я и не узнал тебя сразу.

Силюсь улыбаться. Это огромный минус моего воспитания: улыбаться людям, которые мне неинтересны, несимпатичны и которым я ничего не должна.

— Так ты живешь где-то близко?

— Нет-нет. Очень далеко. Просто иногда приезжаю сюда к родственникам.

— Понятно. А мое общежитие здесь, за домом. Знаешь, нам надо обязательно встретиться. Ты же обещала мне свой сборник стихов.

— Ну конечно!

— Я позвоню тебе.

— Только через полтора месяца. Я уезжаю на практику в другой город.

— Ничего, я здесь долго пробуду.

На прощание наклоняется, чтобы меня поцеловать, я отворачиваюсь:

— До свидания.

Хватит с меня его «порывов».

Кажется, через полгода мы отпразднуем новоселье. Аня и я будем жить в разных комнатах. Заранее начинаем понемногу друг без друга скучать. Поэтому мы предложили внести в планировку будущей квартиры новый конструктивный элемент — окошко в стене между нашими комнатами. Просьбу, естественно, отклонили.

Вечером я была в гостях у Солнца. Он смотрел телевизор и все время мешал мне писать статью.

— Хватит переводить бумагу... Посмотри: они же не танцуют, а изображают сельскохозяйственные работы.

Он заболел, и у него температура.

Звонила Юлька, моя бывшая одноклассница.

— Звезда моя, я написала еще один рассказ. Прочитаешь? Приходи в гости. Я куплю арбуз.

По телевизору:

— ...если кто-то в нашей стране заболевает, то это навсегда.

Солнце, чихая:

— Все. Мне конец.

Роман, мой случайный друг. Я давно прекратила с ним всякие отношения, но постоянно встречаю его в городе. На этот раз он выловил меня на троллейбусной остановке.

— Ты самая красивая Бьерк на свете. Я говорил тебе это?

— Несколько сотен раз.

Воложин. Ненавижу этот холод.

Решили с Лерой провести опрос населения на тему: «Хотели бы жители города Воложина жить в столице, если бы представилась такая возможность?»

В общем, оказалось, что все довольны своими грядками и козами. А если кто-то и хочет в Минск, то только потому, что там больше магазинов.

В редакции:

— Придумали вам задание. Сделайте опрос по городу: употребляют ли жители Воложина наркотики. Если употребляют, то какие. И где их можно достать.

Мы переглянулись. Я тихо откашлялась.

— Вообще-то, мы уже над столькими темами работаем... Но обязательно будем иметь это в виду.

Когда спрашиваем, где находится какая-либо улица, обычно отвечают: в другом конце города. И ждут: не передумаем ли в такую даль тащиться. И только потом уточняют: возле рынка, возле магазина и т. д.

Оказывается, здесь ходят городские автобусы!

В редакции:

— Скажите, пожалуйста, а интернет у вас есть?

— Есть...

Буря эмоций: статьи можно будет присылать из Минска по электронной почте.

— ...есть один. Для бездомных детей.

Пауза.

— Нет, мы имели в виду не интернат, а интернет.

— Ну, у вас и вопросы! У нас и компьютеров-то нет.

Минск. Пешком от его дома до моего — два с половиной часа. Солнце сказал, что теперь, если мне понравилось, мы все время будем ходить ко мне домой пешком, и каждый раз — новыми дорогами.

Мне понравилось.

Солнце работает. Я не вижу его целыми днями. Утром приезжаю к нему в пустую квартиру, читаю его стихи. Потом становится тоскливо, и я иду гулять. Брожу по желтым листьям и мокрому асфальту. Вышагиваю по малюсеньким улочкам и шумным улицам. Остановки прохожу пешком, жуя какие-нибудь конфеты. Мерзну и мокну. Но у меня столько счастья из-за всего этого, столько восторга!.. Потом я возвращаюсь, и приходит Солнце.

Опять встречаю на улице Романа:

— Что-то мне в любви не везет. Сначала из-за работы не было на девушек времени. Потом бегал за разными Жасминами (укоризненный взгляд). А потом все какие-то недолговременные женщины попадают. Вчера одну бросил. Говорит: «Какая же я дура!» Вот я и подумал, зачем мне такая дура нужна...

Я очень редко разговариваю с папой. Наверное, поэтому его слова так сильно отзываются во мне.

— Мелочи — это очень важно. Поправить любимому человеку галстук, достать откуда-нибудь каталоги, если он собирается делать ремонт.

Чувствую, что мой голос начинает дрожать:

— Папа, я вот думаю, для меня кто-нибудь будет отыскивать каталоги, когда я вырасту?

— Обязательно. Тебя есть за что любить.

Я ощущаю, что моя младшая сестренка растет, только тогда, когда мы с ней деремся. С годами она набрала вес.

Солнце опять усталось в телевизор. Поет какая-то поп-группа:

— Я не могу на это смотреть. Это не звезды, а «черные дыры»!

Воложин.

Они говорят, что мы замечательные, талантливые (правда, всегда начинающие) журналисты. У нас огромный потенциал, но мы ведем себя так, как будто знаем все. Неправда! Мы ведем себя так, как будто знаем больше их.

Мы пошли в местный ресторан, который когда-то пользовался бешеной популярностью. Говорят, в прошлом, чтобы пройти в него, надо было дать взятку. Но нас он встретил абсолютной тишиной. В меню мы отыскивали четыре грамматические ошибки. Посуда оказалась побитой, скатерть в крошках. Драники соленые, хлеб черствый, явно был нарезан для вчерашних посетителей. Правда, цены меньше, чем в любой захудалой столичной столовой. Об этом мы честно и написали в газету.

Да, у нас на все взгляд жителей столицы.

Да, мы привыкли к другим ресторанам.

Да, мы понимаем, что для вас это и так выше крыши.

В общем, делайте с нашей статьей все, что хотите. Только напечатайте, пожалуйста. Нам в универ для отчета надо.

Минск. У меня эйфория. Настоящая, глубокая. И я знаю, что она может продлиться долго. До тех пор, пока у меня все будет получаться.

Слишком много поводов для счастья: я, он, ливень за окном (холодный, наверняка), зонты, мои фотографии, развешанные по его квартире, крепкий чай, сентябрь, открытая форточка... Я перечитываю то, что пишу, и думаю: разве это нормально?

Солнце приволок стопку журналов «Salon».

— У вас же будет новая квартира. Давай посмотрим, может, найдем что-нибудь интересное для твоей комнаты... И почему ты улыбаешься?

«Тебя есть за что любить».

Дома на столе записка. Звонил доктор. Что мне с ним делать? Ненавижу себя за то, что я вру, за то, что выкручиваюсь так гадко и неумело. За то, что продолжаю эту глупую игру, вместо того, чтобы сказать: во-первых, нет у меня никакого сборника стихов, а во-вторых, мне отвратительны посягательства тридцатипятилетних женатых мужиков, к которым я даже не могу себя заставить обратиться на «ты». Чего во мне не хватает, чтобы произнести эти слова?

Вечером ко мне в гости пришли друзья, а тут звонок в дверь — Роман.

— Не бойся, я к тебе ломиться не буду. Принес подарок. Настоящий зеленый чай из Перу. Мне его по дружбе дали немного. Здесь тебе хватит на две кружки. Заваривать его надо два раза. Первый раз — десять минут, второй раз — пятнадцать. Пить, только когда заваришь второй раз. Хватит улыбаться, я серьезно. Пей медленно. Каждый слой чая будет приносить тебе новые мысли и новый вкус. Вот тебе диск. Будешь пить под эту музыку. И чтобы никто тебе не мешал. Потом расскажешь, что получилось.

Я возвращаюсь в комнату, перекрикиваю «Savage Garden»:

— Ребята, кто хочет настоящего зеленого чая из Перу?

Юлька:

— Звезда моя, у меня появились новые стишки. Куда мы их понесем?

Для решения этого вопроса я приехала к ней ночевать. Мы ели арбуз и пили вино, которое я привезла ей в подарок с Кипра (вино так себе). Она читала мне свои рассказы про одиноких и сильных женщин (про ее саму, как мне угадывалось), а я диктовала ей названия журналов, куда это можно отнести. К трем часам ночи я вспомнила, что мне недавно звонил мой бывший парень. Юлька тревожно посмотрела на меня: «Нет, только не это». Я ее успокоила, ничего у меня с ним заново не начнется. Но надо бы позвонить ему и сказать, какое он животное. Юлька закрыла телефон своим мощным бюстом и помешала мне совершить подвиг.

В пять часов утра я решила поехать к Солнцу. Но на улице меня озарило: автобусы еще не ходят. Возвращаться не хотелось. И я пошла к нему пешком.

Все:

— Тебя никогда нет дома.

Я написала письмо Ланцбергам и послала им фотографии.

Я не могу позволить себе утром не поспать даже лишней минуты. Поэтому собираюсь всегда с астрономической скоростью. Если надо чем-то жертвовать, то, естественно, не завтракаю.

Сегодня утром то же самое.

Влетаю на кухню, а там йогурт на столе греется после холодильника. И чашка чая стоит, прикрытая крышечкой, чтобы не остыла. Это все моя мама. (Честно, она такая нежная и хрупкая, что иногда мне хочется носить ее на руках).

Съедаю завтрак и отчаливаю в Воложин.

Сидели в кабинете у какого-то начальника. Он что-то рассказывал, рассказывал... А нам-то надо было у него узнать только два слова.

Я заметила, здесь вообще люди очень оживляются, когда им говорят, что пришли практиканты из районной газеты.

Я:

— Ну что, пойдём смотреть ту улицу, всю в цветах, про которую будем писать?

Лера:

— Да не надо. Он же так подробно рассказал, как все выглядит. Пошли лучше пить чай. Горячий.

Мы откапали в подшивках статью о том, как несколько недель назад воложинский музей предлагал жителям района написать что-нибудь о местных традициях,

легендах и т. д. Отправились в музей выяснять результаты. У дверей паслись мои любимые козы. Нижний этаж был завален различным хламом. На верхнем из истории мы отыскивали несколько папочек с какими-то схемами и таблицами. Вскоре явился сам дедушка и сказал, что никто ничего им не пишет. Но вдруг напишут? Поэтому мы можем прийти еще завтра и послезавтра...

Отвратительные здесь туалеты. Ну просто ужасные. Самые худшие. Особенно на вокзале. Я таких туалетов в жизни не видела. Но читала у Ерофеева: «...там, на огромной глубине, под круглыми отверстиями, плещется и сверкает эта жижа карего цвета».

Прощай, мой милый Воложин! Воду и газ закрыли. Мусор вынесли. Дверь захлопнули. Прощайте, дорогие козы! Не увижу я вас больше никогда! Даст Бог. Оставшиеся статьи и нужные документы нам пришлют с курьером. А я напишу в отчете, как много всего нового узнала, посвятив себя на месяц великому делу — практике в районной газете.

Вечер мешает краски.

Ночь в подворотне стынет.

Я повторю, как сказку,

Светлое — твое — имя...

Человек, написавший для меня такие строчки — Бог. И этого Бога я вижу пять часов в сутки.

Сейчас он уверяет меня, что «пять часов — это очень мало, именно из-за этого все наши проблемы»: я его не слушаю. Но если бы он знал, о чем я думаю, он бы не сердился.

В бухгалтерии командировочные нам выдать отказались, потому что в приказе название газеты было написано неправильно.

Получили мы деньги через несколько недель. На этот раз из расчета 200 рэ в сутки. Полшоколадки на 24 часа. По-моему, понятия студент и деньги не пересекаются ни в какой плоскости.

А завтра я отправлюсь в университет. В общем-то, это ничего не меняет. Но все равно начинается другая жизнь.

Предыдущая моя жизнь была коротенькой — в один месяц. В один сентябрь. Яркий и холодный. Следующая моя жизнь будет длиться вечно.

А вообще-то мой любимый месяц — ноябрь.

Правда, вот до него еще несколько сотен лет.

Александра Ковалевская
(г. Речица, Белоруссия)

ВАВИЛОН НОМЕР ВОСЕМЬ

Александра Викентьевна Ковалевская. Родилась и проживает в г. Речица Гомельской области. Окончила Витебский педагогический институт им. П. М. Машерова, учитель. Живет в городе Речица (Беларусь). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор четырех книг: роман «Полоз и Белокрылка» (2012), роман «Бод» (2013), повесть «Гуда» (2014), а также научно-фантастический роман «Война суши и моря» (2014).

Вместо предисловия

По той простой причине, что автор совершенно не умеет придумывать, этот рассказ правдив до последнего слова.

Электронная энциклопедия объясняет значение слова «Вавилон» разумно и внятно, — что само по себе редкое сочетание. Стоит пробить в поисковике ВАВИЛОН, и вы узнаете, что это «...большая группа людей, собравшаяся в некоем месте, обычно занятая какой-либо бурной, шумной деятельностью». «Что же, — вздыхаете вы, потому что тропа вашей повседневности пролегает рядом со школой, — очередной Вавилон явлен нам опять». Сюда каждое утро со всех сторон стекается две тысячи несовершеннолетних рабов с горбами-ранцами на спине и трудовыми мозолями на маленьких седалищах. Сюда же стоически вышагивает сотня взрослых. От вечной бестолковой возни глаза у них профессионально смотрят вверх всего мирского, а на лицах застыло приветливое выражение Буратино, которому папа Карло в созидательном порыве ковырнул стамеской в уголках рта чуть больше, чем требовалось.

Итак, в Вавилоне номер восемь наступил последний день четверти, за которой начинаются долгожданные зимние каникулы. Суэта достигла апогея, разноголосый гомон мешался и плескался на всех четырех этажах, и Высочайшее Достижение — Образование Независимо-от-Способностей-и-Невзирая-на Потребности, вознесенное в наши дни на невиданную высоту, привычно-весело раскачивалось и сыпало штукатуркой. Завуч опять подставил свое плечо под эту махину, дабы конструкция из Положений, инструкций и рекомендаций не рухнула, но даже наоборот - выглядела бы вполне добротным сооружением.

Сейчас завуч был занят тем, что анализировал подписи членов родительского комитета под отчетом о распределении гуманитарной помощи. Гуманитарка гуманно прилетала лишь два раза в год, потому что вавилонская кладовая не резиновая, и не выдержала бы чрезмерного количества добра. Кроме того, гуманитарка вежливо до-

жидалась, когда воздушный коридор освободится от перелетных птиц, и потому осенняя успевала как раз в канун Нового года, а весенняя — летом, в пору поголовной сезонной миграции населения Вавилона в большой внешний мир.

Завуч читал подписи, и нашел, что они выглядят возмутительно неправдоподобными.

Тогда этот жрец учебного процесса повелел стать перед собой, как лист перед травой, классных руководителей одной параллели: от 7«А» до 7«З». И, набрав полный рот желчи, выплюнул:

— Можно подумать, у нас школа Петровых! Что за Ф. И. О.? Мы где живем? В Беларуси! — на всякий случай напомнил он, потому что был географом, а остальные — нет.

— Петровых, их же поискать у нас — не сыщешь! Нет, я все понимаю: вам некогда, вызывать родителей не стали, расписались сами левой рукой. Но где, где такие фамилии откопали? Укажите нормальные, чтобы выглядело все правдоподобно!

Классные руководители отнеслись к просьбе с пониманием. Они решили не лукавить и ничего не придумывать. Пораскинув мозгами, вспомнили адекватных родителей, которые в любом случае спокойно отнесутся к тому, что на наряды дикой расцветки пришили такие же нелепые оборки, и теперь не только дети из малообеспеченных семей, но и дети зажавшихся нефтяников танцуют в гуманитарных юбках на большой вавилонской сцене.

Документ быстро обошел по кругу всех. Завуч выхватил его, глянул и, вдруг лишившись сил, опустил на стул.

Под документом красовались свежие подписи:

Щавлевский О.А.

Чеснокович Э.И.

Перченко Е.В.

Сметана А. Н.

Борщ Е. М.

Добила завуча фамилия, стоявшая последней:

Посный В.В.

В это время второй заместитель директора по учебной части, проклиная злую судьбу, в сотый раз правил расписание уроков на следующее полугодие. Расписание никак не укладывалось в прокрустово ложе требований санстанции и личных просьб классных дам.

Вот и теперь в кабинет ворвалась, не потрудившись закрыть за собой дверь, химичка, Катерина Степановна:

— Что это вы мне сделали? — с разбега напала она на завуча.

У того душа зашла в предчувствии, что в очередной раз придется наступать на горло собственной песне, разостланной на столе в виде многоэтажного и многоклеточного чертежа.

— Вы мне смешали седьмые, десятые и одиннадцатые классы в один день? Вы моей смерти хотите?

Завуч не хотел смерти Катерины, найти замену химику — большая проблема.

— А по-другому не получается! — заявил он, изображая участие, но сам не без злорадства представил за спиной надежную стену в виде требований санстанции. И подумал: «Шиш! Не стану ничего переписывать!»

Но Катерину Степановну, как особый сувенир, муж не зря привез с хмельницкой стороны: молодичка она была не только смачная, реактивная, но и уцепистая. И отступать не собиралась. Быстро окинув взглядом весь расклад, она просекла, что, если

перенести этот, этот и еще вон тот урок, то у нее получится вполне приличный рабочий график. И она произнесла приятным грудным тембром, тыча пальчиком в заму-соленные правками клетки и уверенно глядя завучу повыше усов:

— Как это не получается?! Просто раздвиньте и вставьте мне!

— Так-так! — громко пробасил завуч, дернул вторичным половым признаком пшеничного цвета и повторил на расписании путь, обозначенный маникюром Екатерины Степановны. Шестеренки административного мозга судорожно взвизгивали, вращаясь на бешеной скорости. (А ведь рокировка действительно могла получиться очень удачная!)

— Действительно, почему бы и нет, Катерина Степановна? — прогудел он удовлетворенно, взяв в руки ластик,— раздвину и вставлю вам... С превеликим удовольствием!

Возле открытой в коридор двери у зеркала громко прыснули старшеклассницы.

В кабинет влетела директор:

— Почему дверь держите открытой? — закричала она, потому что все слышала. Вид пошлых рожиц вавилонских барышень ее возмутил.

— Мы тут с Катериной Степановной пришли к долгожданному консенсусу,

Светлана Венедиктовна! — ответил довольный завуч, так и не уловив причину шефского наскока.

Директор посмотрела на коллег и решила, что все это — не ее ума дело. Взрослые люди...

А в кабинет тем временем просунулись местные акселераты. Эти вычитали черновое расписание и решили по пути уточнить:

— У нас будет новый предмет? — облепили они стол завуча, не слишком заботясь о политеесе и по-молодецки попахивая подмышками.

— Какой такой новый предмет? — переспросил тот, озадаченный.

— «Механист» — ответили детки.— В расписании написано. В понедельник первым уроком в одиннадцатом «А» «механист».

Завуч дернулся, стараясь держать лицо:

— МехАнис! Моя фамилия! Там вписаны не предметы, а фамилии учителей. Это учительское расписание. Я вместо Ирины Игоревны буду вести у вас историю.

Детки выдавились из кабинета, вытягивая себя, подобно Мюнхаузену, за молодую поросль на собственных подбородках.

А завуч подумал, что много недоразумений терпел из-за своего латышского Ф.И.О., но чтобы такое... Его отчество Геронимович в здешнем Вавилоне легко превратилось в Героинович. Ладно. Но чтобы умудриться прочитать нормальную человеческую фамилию как новый урок — это неслыханно! И завуч решил, что эра индиго с их парадоксами сознания, пожалуй, уже началась.

Вокруг расписания постепенно рассосался народ, лишь в сторонке, под стендом с рисунками пустили корни трудовик и физрук. Они пристально разглядывали что-то. Случай сам по себе нетипичный: особым интересом к молодой живописи эти педагоги никогда не отличались.

Когда в поле их зрения показалась местная стремительная торпеда,— учительница рисования,— трудовик и физрук коротким маневром остановили ее на полном ходу:

— А что это вы рисуете на уроках? — приступились они к художнице всея Вавилона, обрадовавшись встрече с ней, как дошколята сладкой вате.

Та взгляделась в рисунки. Чувство юмора у нее было абсолютное, а это значит, Алина Викторовна всегда находила повод посушить зубы. Теперь хохотали втроем,

любуюсь новогодним рисунком пятиклассницы. На листочке слегка перекошенная красавица с удивленным лицом взмахнула ручками, напоминающими гибкие шланги. Она как бы стряхивала с бального платья круживший вокруг серпантин. Вот только серпантин здорово напоминал этих... с головкой и длинным извилистым хвостиком. Все эти цветные живчики сверху, слева, справа из-за шторок, и — о, ужас! — даже снизу стремились к общему центру притяжения: к красотке, не знающей, как от них и отбиться. Трудовик заметил, что до сих пор великая сила искусства обходила его стороной, но отныне все изменилось, и он сам будет ходить к рисункам вавилонян каждый день с целью продлить себе жизнь, потому что обнаружил в этом месте бесконечно много поводов для веселья.

И в подтверждение его словам грянула жизнерадостная музыка.

Учительница изобразительного искусства заторопилась: в местном актовом зале начиналось новогоднее представление.

Вавилон номер восемь славился своими шоу по всему городу, потому что

Творец долго искал конченных энтузиасток, но когда нашел, сжалился, решил их не разлучать и отправил работать именно сюда. И вот на добровольных началах, не зная, куда деть талант, бывший ключом, подобно иракскому нефтяному фонтану, учительница музыки, а с ней хореограф и та самая смешливая художница лабали нешуточные представления. Юные вавилоняне, случайно зятянутые в орбиту влияния этих дам, становились артистами, танцорами и певцами независимо от природных данных. У них вдруг обнаруживался и голос, и интонация, и пластика. А то, что родители приходили в десять вечера силой забирать своих чад с репетиций, — так это пустяк!

На сцене кружились в танце младшенькие: администрация потребовала от хореографа предъявить результаты работы. В унисон скрипя зубами, три креативные дамы согласились включить мелких в свое новогоднее шоу.

Один из танцоров, Марио, как всегда, не попадал ножкой на сильную долю.

Восемь лет назад мама Марио, решившая сообразить себе сыночка с подвернувшимся испанцем, не удосужилась спросить: «А как у вас, дон Педро, со слухом?» Но, видимо, дон Педро был если не в танцах, то кое в чем другом силен, и мальчик получился крупный, здоровый такой бутуз. И сейчас это испанское романтическое приключение с энтузиазмом скакало по сцене, ног не чуя под собой от счастливого возбуждения. В очередной раз не попав на сильную долю, Марио подбил свою партнершу: семилетнюю Мишель Викторовну. Надо сказать, что уж в этом случае инициатива принадлежала папе: будущий папа Витя так любил представлять себя на фоне Парижа, что решил воссоздать атмосферу Франции в своем доме. Он начал с поиска жены, согласной есть на завтрак исключительно круассаны. Чем дальше, тем последовательнее семья нагоняла ускользающую мечту, и в урочный час в Вавилон пришла в первый класс Коваленко Мишель Викторовна.

А сейчас Мишель летела, раскинув руки-ноги звездочкой, по низкой орбите над кувыркавшимся Марио. И каждый зритель чувствовал нечто символическое в полете интернациональной пары над самой что ни на есть белорусской сценой. Видеокамеры в руках родителей работали в режиме нон-стоп, вспышки цифровых фотоаппаратов слились в один сияющий всполох. И только заместитель директора по воспитательной работе, выдавшая всякие виды, не поддавалась очарованию момента и успела принять на грудь две шоу-звезды.

Звезды оказались тяжелы, но зам не привыкла отказываться от того, что само летит в руки. И устояла. Кстати, концерт продолжался как ни в чем ни бывало: Марио выгрелся из рюшей Мишель, Мишель сняла ажурные ноги со спины Марио, а что

при этом на прыткой тетеньке пиджак закрутился в штопор и верхние пуговицы повели себя очень гламурно, все вежливо не заметили.

В другом, относительно тихом углу Вавилона, не в силах заполнить сводную ведомость успеваемости, общались по душам три коллеги: математик, биолог и физик. Физик получала квартиру в новом доме, и это нужно было непременно обсудить.

Математик ударилась в воспоминания:

— Когда строили мою пятиэтажку, я через день бегала посмотреть, сколько кирпича положили. Так хотелось поскорее свою крышу над головой! Пришла однажды, считаю кирпичи, и вижу: в одном подъезде по вертикали между оконными проемами восемь рядов кладки, а в другом — целых двенадцать. Сначала думаю: «А, может, я в архитектуре ничего не смыслю?» Но тут же я представила, что архитектурные изыски хороши на картинках, а вот если мне попадетя квартира с подоконником на уровне носа, то мне это вряд ли понравится. И я повела прораба считать. И на всякий случай сообщила ему, что я математик, а значит, в этом деле мне можно доверять. Прораб проникся, ряды кладки считал старательно, даже загибал пальцы. Помолчал. Потом наоборот: стал материться без пауз между предложениями и убежал к каменщикам. В итоге в нашем доме все окна одинаковые. С архитектурной точки зрения неоригинально, зато удобно.

— Это еще что! — отозвалась биолог. — Я вытянула свой кооператив на себе в буквальном смысле. Помнишь, Таня, наш дом не хотели привязывать рядом с вашим?

— Да, — подтвердила математик. — Сначала сказали, что две пятиэтажки станут в ряд, потом сказали, что двум домам по стандартам мало места а, в конце концов, все-таки начали строительство.

— Вот-вот! Это я, да еще Леночка Александровна, да наши мужья нашли те недостающие по стандарту метры.

— Это как? — удивилась физика.

— Неевклидова геометрия, девочки. Ладно, так и быть, расскажу, только не советую повторять этот подвиг — он по плечу не каждому. Дело было так. Я тоже прогуливалась там, где должны были строить мой кооператив. На восьмом месяце беременности, знаете ли, гулять полезно для здоровья. Однажды разговариваю с прорабом, он, видя мое интересное положение, решил ни в чем не отказывать, измерил при мне рулеткой расстояние от строительной ограды до ближайшего дома и говорит:

— Здесь строить не будем, не вписываемся, для площадки не хватает трех метров.

— И что же будет? — ахнула я.

— Закажем новую привязку. Через полгода определимся с местом для вашего дома.

Мне стало обидно — эх, ведь все откладывается в долгий ящик!

На следующий вечер я сманила на вечернюю прогулку мужа, Ленка — своего благоверного, да еще брата позвала. И мы идем на то место, которое узкое для стройки. А дело было в ноябре: темень, холодно, грязь. Мы оглянулись, поднатужились, и давай с нашими мужиками толкать по жидкой грязи здоровенные бетонные стойки. Стойки держали деревянный забор строителей. Так до половины первого ночи и развлекались: дождемся, когда никого нет, и юзаем стойки. Нормально, у нас получилось! Еще и взбаламутили грязь, чтобы не было видно, где раньше стояла ограда.

— Аборигены острова Пасхи! — умилилась физик, представив титанический труд в лицах.

— Але, але! — кивнула биолог.

— Утром мы с Леночкой Александровной подходим к инженеру и говорим невинно: «А как это вы участок измеряли? У нас другие размеры выходят!»

Он снова рулетку по пустырю растянул, озадачился. И, смотрим, уже для нашего дома готовят площадку. Вот так!

В отдалении стихла музыка.

— В зале вертеп закончился! — охнула физик, — ой, мне пора! У меня еще уроки во вторую смену, успеть бы суп сварить!

В коридор с той стороны, где отгремели танцевальные ритмы, стали вываливаться Куклы Барби, Принцессы, Феечки и Ведьмы примерно 2006-го года выпуска. Впечатление было такое, словно опрокинули гигантский ящик с игрушками и сейчас подарки разбегаются по домам своим ходом. Среди куколок в малиновых, салатových, голубых платьицах изредка попадались немодные нынче Зайчики и Звездочки. Было несколько Джеков-Воробьев, пара Человеков-Пауков и с десятком пацанских личностей просто в масках. Семенили, позвякивая стразами на худых синих мослах, миниатюрные Шехерезады, встряхивали завитыми локонами и таращили глаза, густо накрашенные ворованными у сестер тенями. Они были искренне уверены, что весь мир сейчас любит их несравненной чарующей красотой. Отдельные Барби и Золушки, забывшие сменную обувь, старательно прикрывали пышными подолами зимние сапоги, будь они неладны...

В этот поток русских буклей, ворохов цветного капрона и почти настоящих пиратских шляп попала немолодая дама. И остановилась, мудро решив, что не стоит, подобно лосою, пробиваться против течения: тем более, для нереста еще не сезон.

— Алла Борисовна?! — крикнули в ее сторону двое: учительница музыки и учительница рисования, проплывавшие мимо.

Дама смущенно улыбнулась. Она зашла в Вавилон по своим делам, и вроде немножко надеялась, что после долгих лет отсутствия ее кто-то помнит, но, с другой стороны, не слишком на это рассчитывала.

— Зда-аствуйте! — сказала она, когда поредел поток и все трое сошлись вместе.

...В школьном и, как ни странно, очень радужном детстве учительницы музыки и учительницы рисования Алла Борисовна преподавала им алгебру и геометрию. Но музыка с рисованием вежливо назвали свои имена, прекрасно понимая, что для тех, кто долгие годы служил в любом из Вавилонов, все индивидуальные лица сливаются в одно условное «когда-то я его (ее) учила». Тем более, Алла Борисовна Вайнер эмигрировала с первой волной: тот достопамятный исход случился вскоре после Чернобыльского взрыва. Добрая четверть населения города дружно решила держаться подальше от радиоактивных элементов таблицы Менделеева, от лесов, в которые нельзя сунуться, и от экстравагантных политических решений, подписанных в воспелой рапсодами пуще.

А вот забыть Аллу Борисовну было совершенно невозможно!

Во-первых, учила она на совесть, и ее ученики действительно знали предмет.

А во-вторых...

Вот из-за этого «во-вторых» ее вспоминали также часто, как Чапаева и Петьку, Чукчу, Нового русского, а в последнее время — вездесущую Блондинку.

Дело в том, что в исполнении Аллы Борисовны половина алфавита неузнаваемо преображалась и, слушая ее объяснения, приходилось быть очень внимательным, чтобы понять: о чем идет речь? Особенно виртуозно изменялась коварная буква «р». А, надо сказать, в геометрии как нигде много слов с буквой «р», да и другие буквы встречаются нередко...

— Гая, иди отвехать! — говорила Алла Борисовна, и девочки Галя и Рая вставали из-за парты одновременно.

Быстро выяснялось, что отвечать зовут Раю.

— Ая, пихи: дана тьяпепия А, Бэ, Цэ, Хэ...

Рука Раи уверенно писала на доске три буквы и останавливалась на четвертой. Что значит это «Хэ»? Алла Борисовна вставала и дописывала таинственную «Хэ». А слово «параллелепипед» в исполнении математички звучал почти как гавайские частушки: «Пай-яй ей-ей пипед».

Учительница музыки как-то, краснея, рассказала собственному мужу пикантную историю, случившуюся с ней в седьмом классе. Однажды, сидя в лаборантской и перебирая гербарии под надзором лаборантки, она впервые услышала от Аллы Борисовны теорему треугольников.

За перегородкой в классе педагогичка умело вела свой урок. Сначала восьмиклассники закончили «йехать уявнения», потом записали в домашнее задание «четыйнацатый паягхаф», а потом было объявлено, что вместо «ангебгы» сейчас займутся «геометийей». А дальше началось самое интересное — все разом были посвящены в невероятную тайну «тьеугойника».

В слове «ребро» первую букву Алла Борисовна проглотила как непроизносимую, а корневую «р» превратила в «л». «Ребра» во множественном числе по этой схеме зазвучали вообще шикарно, заставляя задуматься об экзотических свойствах скромной с виду фигуры и будоража фантазию...

Стоит ли удивляться, что у этого учителя запоминание теорем и аксиом было обставлено весьма интересно, и каждый урок дарил радость открытия? Так что Яна Борисовна была для учеников самым любимым воспоминанием отрочества. Вот и сейчас две бывшие бросились к ней с распростертыми объятиями.

...Но такое уж это место — Вавилон, время здесь бежит быстро.

Вдруг на карауле у главного входа раздался легкий звон, и местная кукушка в очередной раз попыталась вырваться на волю из дорогих, но опостылевших настенных часов. Грубо ломясь в дверцы домика, птичка совершила целых двенадцать попыток, истощно вскрикивая и требуя внимания к своей проблеме. Но заклятие часовщика оказалась сильнее: тюрьма захлопнулась, птичка затихла.

От этого неожиданного шума вахтерша Людвиговна вздрогнула. Вспомнила «холеру ясную», потому что ее мама и бабушка всегда упоминали эту польскую диковинку в минуты сильных потрясений. Дурацкая кукушка опять умудрилась напугать Людвиговну, умевшую дремать с открытыми глазами за очень скромную зарплату.

— Подожди, я тьебья выкручу! — пробурчала она с легким акцентом, погрозив в сторону часов пальцем, а сама окинула взглядом входную магистраль Вавилона.

Все разошлись.

Наступило недолгое затишье.

Но день еще в самом разгаре и, значит, через час Вавилон снова примет в себя больших и маленьких людей, влекомых в это место неведомой силой.

И так будет всегда, пока существует мир, и стоят в нем, каждый под своим номером, шумные Вавилоны,— средоточия больших и малых народов земли.

Александр Мазуренко
(г. Бобруйск, Белоруссия)

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Александр Мазуренко родился в 1949 году. Окончил Белорусский государственный университет, специальность филолог. Всю жизнь работает в газетах. Рассказы и повести публиковались в литературных изданиях Беларуси, в коллективных сборниках. С 1995 г.— член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», в котором возглавлял секцию художественной прозы, являлся заместителем председателя литсоюза. Живет в г. Бобруйске.

Марьян проснулся внезапно — от звенящей в ушах тишины... В доме не слышалось привычного говора жены Настасьи, вечно наставлявшей детей — двух девочек и двух мальчиков. Теперь, когда в комнате буйствовали яркие солнечные лучи в союзе с тишиной, не верилось, что страшная ночь осталась позади...

* * *

Накануне, еще днем, люди стали поговаривать, передавая друг другу: ночью «наши» будут брать город. Возможны бомбежки с воздуха, артобстрелы, бои. Поэтому сидеть в домах нельзя, надо перебираться в землянки. Эти земляные норы были в каждом дворе.

А еще говорили: нельзя в эту ночь спать, чтобы, не дай Бог, свои не приняли за немцев; да и с немцами, если те окажутся в этом тихом районе города, тоже лучше быть начеку.

Дети, конечно, спали, но Марьян с Настей старались больше разговаривать, чтобы не дремать. Ночь выдалась тревожной. В восточной стороне города с вечера усилилась стрельба, безостановочно ухали какие-то тяжелые орудия, где-то взрывались снаряды, летали и стреляли самолеты; ближе к утру во время очередного налета с воздуха раздалось несколько мощных взрывов. Марьян сказал жене, что это, скорее всего, наши или немцы бомбят железнодорожную станцию.

О самом страшном, что могло случиться в эту ночь, оба боялись не то, что сказать, даже подумать — что бой может развернуться здесь, что в их хлипкую землянку может угодить бомба или снаряд...

Уже когда стало светать, Настя словно выдохнула: «Скорее бы все закончилось».

Марьян промолчал, но в душе поддержал жену. Ровно три года продержались немцы в их небольшом городке: 27 июня 41-го заняли его, а в ночь на 29-е 44-го Красная армия должна овладеть вновь. Марьян вспоминал те страшные после начала войны дни. Суета, беспорядок, безвластие. 24 июня он пошел к военкомату. Но там творилось что-то невообразимое: огромная толпа народа окружила деревянное одноэтажное здание, люди в военной форме и гражданской одежде бегали, словно муравьи в развороченном муравейнике.

Уже через пять минут Марьян понял, что здесь не до него, и сам себе признался, что так лучше. А что, если бы его забрали на фронт? Он не о себе думал, а о жене и четырех крохах, мал мала меньше. Начиная с тридцать четвертого года, детишки появлялись на свет, словно по расписанию, ровно через два года — 34-й, 36-й, 38-й и 40-й. Ладно бы Настя была крепкой бабой, так нет, хрупкая, хилая (как только родила такую ораву?), она и слово-то крепкое никому не могла сказать, не то что другие: палец в рот не клади — откусят руку по локоть.

Уже потом, когда он сказал жене, что ходил в военкомат, Настя ничего не сказала, только горько заплакала, да так, что он насилу ее успокоил. А ночью, жарко обнимая его, Настя сквозь слезы шептала: «Никогда меня не оставляй, слышишь, никогда. Я без тебя умру. И они тоже...» Она имела в виду детей.

За женскую слабость он и любил свою Настю. Как будто и не дорожил ею. Но однажды она пошла в центр города на рынок, чтобы сделать кое-какие покупки, и вскоре пришла бледная, как полотно. Сказала, что на нее пристально смотрел немецкий офицер. Настя, жгучая брюнетка, испугалась, что немец принял ее за еврейку. И она, забыв о покупках, поспешила в какие-то дворы, чтобы неизвестно какими закоулками выйти из центра.

Тогда Марьян всерьез испугался за Настю, хотя успокаивал ее, как мог: мол, немцы здесь без женщин, а ты из себя видная дама, вот и засмотрелся товарищ фашист...

— Да какая я видная,— возразила Настя,— худоба, кожа да кости, груди — две тряпочки...

Больше Марьян Настю в центр, на рынок не пускал, ходил сам.

В эту последнюю ночь немецкой оккупации они много вспоминали. Припомнили, как сделали хороший запас продуктов, которых хватило до конца 41-го года на всю их семью. Когда люди стали грабить брошенные властями магазины и предприятия, они тоже не сидели, сложа руки: на маслозаводе взяли два ведра подсолнечного масла, в магазинах и на молокозаводе — сметаны, творога, сливочного масла. Масло Настя сразу же смешала с солью и опустила в бочку с водой. Перепало и колбас. Но все же им далеко было до соседа Михалка — тот, любитель дармовщины и выпивки, одолжил у кого-то лошадь и продукты, в первую очередь спиртное, вез в свой погреб телегами...

О самом трудном времени муж и жена не вспоминали. За три года оккупации Настя сделала два аборта — куда в такую нищету и неопределенность плодить детей! Соседка Паша, фельдшер по образованию, муж которой ушел с отступающей армией, принимала роды и делала аборт всем знакомым. Тем и выживала: кто-то приносил еду, порой и дойчмарки перепали.

Первый аборт Настя перенесла легко, а второй Паша опасалась делать:

— Как же ты так прозевала? — возмущалась фельдшер. — Ребенок уже почти ногами бьет...

У Насти началось кровотечение. Паша делала, что только могла, и кровь удалось остановить. Но после этого несколько дней Настя пролежала в жару. И надежды, казалось, уже не было: и без того худая женщина вконец отошала, кожа словно просвечивалась, синие сухие губы потрескались...

Марьян без стеснения плакал над почти бездыханным телом. И Паша, зайдя в очередной раз, сказала ему несколько жестких слов:

— Надежд никаких. Готовься растить детей один. Но если Бог даст Насте жизнь, то ты не то, что к ней не прикасайся, вообще спи в другой комнате. Ты — животное, думающее только о собственном удовольствии...

Было и стыдно, и горько.

На следующее утро Настя на минуту очнулась и попросила пить, еще через час — есть. Она пошла на поправку. Марьян долго ждал, что она хоть словом его

упрекнет, но этого не случилось. Правда, он после этого стал другим. Больше Настя не «залетала»...

* * *

Голоса красноармейцев они услышали, когда уже рассвело.
— Выходите из землянки! — раздался властный голос.
Они вышли, заслоняя руками глаза от утреннего солнца.
Где-то за несколько домов, раздался взрыв. Похоже, решил Марьян, граната.
— Еще кто-либо в землянке есть?
— Четверо детей. Спят.
— И все?
— Все.
— Иван,— майор обратился к солдату,— глянь туда, только осторожнее. Знаем мы их...
— Все нормально, товарищ майор,— через минуту отрапортовал солдатик.
— Нормально так нормально... Сколько лет? — обратился офицер к Марьяну. В глазах его был неприятный прищур.
— Сорок три мне.
— Почему не на фронте?
— Так немцы захватили город, никто и опомниться не успел.
— Мой город тоже захватили. И всю Белоруссию завоевали. Но я же пошел воевать.
— Я хотел... Только в военкомате была тьма-тьмущая народа... Это 24 июня. А 26-го утром военкомат уехал.
— А ты часом не полицей?
— Что вы, товарищ начальник,— вдруг заступилась за мужа Настя.— Мы так вас ждали... Три года...
— Жаль, что нет мне времени, я бы тебя,— обратился к Марьяну,— проверил. Но ничего, будет кому тобой заняться.
Вновь страх, который жил в конце 30-х годов, вернулся в сердце Марьяна...
Но через минуту все забылось. Все, кончилась навала. Наши пришли. Теперь будет легче. Можно покинуть землянку и спать в доме.
Марьян и Настя быстро перенесли в комнаты спящих детей и когда уже собирались сами укладываться в постель, Настя вдруг сказала:
— Марьянушка, давай мы это дело, освобождение, значит, отметим. У меня припасена чекушка. Я тоже выпью с тобой, хотя не люблю эту гадость...
Дома через два раздалась автоматная очередь — как будто там, где минут тридцать назад прогремел взрыв. Настя испугалась.
— Это просто так,— успокоил жену Марьян,— кто-то нечаянно нажал на курок. Видишь, никаких немцев здесь нет...

* * *

«Где же это Настя запропастилась?» Марьян глянул на ходики — около одиннадцати. Ого! Он спал часов пять.
На улице все изнывало от жары. Вдали он увидел возвращающуюся жену с детьми. В глазах Насти были слезы.
— Что случилось?
— Ванечку Портнова убили...
— Кто убил?
— Наши...

— Как это? Не может быть.

— Они, Портновы, утром уснули. Солдаты увидели лаз, кричат, чтобы выходили, а подойти боятся, вдруг там немцы... Ванечка с Машей не слышали, двое их деток тоже спали. Тогда один солдат туда гранату бросил. А Ванечка проснулся, толком не разобрался, да гранату назад выбросил. Она наверху и взорвалась. Кого-то ранило... После этого Ваню поставили к забору и... Так что взрыв и выстрелы, которые мы слышали, были не случайными...

Настя снова заплакала.

Эх, Ваня, Ваня. Сколько же ему было лет? Около двадцати пяти. Жить бы да жить. Двое деток, девочки, старшей три годика, младшей года нет, родилась во время войны.

Настя с детьми пошла домой, а Марьян направился ко двору погибшего соседа. Там было человек десять. Маша, жена Вани, одетая в черное, вся отрешенная, сидела, к ней прижималась старшая дочь, в детской кроватке спала младшенькая. Иван лежал на каком-то накрытом покрывалом щите. Несколько незнакомых мужчин о чем-то тихо переговаривались, и Марьян сделал вывод, что это родственники, которые помогут в похоронах.

Когда Марьян вышел на улицу, то встретил Михалка.

— Ну вот, — сказал сосед, — ждал-ждал Ваня своих и дождался.

— Да, — вздохнул Марьян. — Тяжело теперь будет Маше одной с двумя детьми...

— Да уж. Ты-то знаешь, как с детьми врагов народа... Но тебе лучше о себе подумать, а не других жалеть... Неровен час — тебя загребут, а у твоей Насти не двое детей, а четверо.

— С чего это меня загребут? Кто? И куда?

— А с того. Когда коммунисты берут город, с населением особый отдел работает, смерч называется. Спросят: почему увильнул от призыва на фронт?..

— Сегодня уже спрашивали. Я сказал, что в военкомат было не пробиться...

— А они потом спросят: где работал, чем занимался?

— Так надо было где-то работать, четверо ртов да нас двое. И где я работал? На консервном заводе. Джем закатывал в бочки...

— И потом этот джем немцам на фронт...

— А ты, наверное, не знаешь, что шеф, немец, меня оттуда выгнал.

— Ага, то, что тебя выгнали, это хорошо. А где потом работал?

— Последние пару месяцев на железной дороге.

— Это тебе просто повезло. Потому что, скажу по секрету, всем железнодорожникам дают бронь. А так у освободителей разговор короткий: у кого грешок за душой — в тюрьму, у кого нет — на фронт.

— Я не против фронта. Теперь-то какая-то помощь женщинам, у которых мужья в армии, будет наверняка.

— Да, разинь варежку шире... Никто никого кормить не будет...

От разговора с Михалком на душе остался неприятный осадок. И снова вернулось чувство страха...

Он опасался, что признают предателем. Ведь это так просто: кто-то оклеветает, кому-то не понравиться — и все. Как было в 38-м с его дедушкой, старым революционером. Тогда, чтобы уйти от пристального внимания «органов», вся семья и они с Настей из областного центра переехали в тихий районный городок, где взяли участок земли и построили дом...

* * *

В обед они ели свое традиционное в годы войны блюдо: вареный картофель с солеными огурцами и помидорами и со свежим луком. В лучшие времена Настя добы-

вала шкварки или здор (нутряной жир), делала подливу и сдабривала ею картошку или овсянку. Но сейчас в доме было хоть шаром покати.

Обед прервался шумом на улице. Настя поспешила из дому, чтобы выяснить, в чем дело. Через пару минут вернулась:

— Кобелиху собрались бить... Вот уж кому бы я оторвала голову... Немецкая подстилка...

Наталья Коблева появилась на их улице в конце 41-го года. Жила на квартире у Беловой, женщины престарелого возраста. Говорили, что Коблева служит в управе, что она в совершенстве знает немецкий язык.

Буквально с первых дней ее жизни на улице в доме Беловой по вечерам устраивались танцульки. Туда постоянно ходили немцы, среди которых нередко мелькали высокие чины.

Кличку Коблевой, Кобелиха, сразу как припечатали. На улице ее не любили, за глаза называли проституткой, немецкой подстилкой и другими неприятными словами.

У Марьяна была прекрасная швейная машинка — «Зингер». Благодаря ей, он поддерживал семью: какая ни нужда, а люди из остатков одежды шили пиджаки или жакеты, и Марьян считался неплохим портным.

По вечерам он, когда шил костюм или юбку, любил завести патефон и послушать пластинки. Кто поет, чья это музыка, не знал.

Однажды приблизительно в полдень к Марьяну в дом зашел немец. Марьян шил сорочку старшей дочери.

— Где есть мюзик? — спросил немец.

Марьян пожал плечами, мол, не понимаю, хотя догадался, что немца интересовал патефон.

— Я имею в виду мюзик, пластинка...

Марьян, чтобы отвлечь внимание немца от стоящего на виду патефона, стал показывать на швейную машинку и говорить, что он шьет одежду.

Но немец уже увидел предмет своего поиска.

— Патэфон, — сказал он, — вот он.

— Э-э, — возразил Марьян, — это не мое, — и попытался загородить дорогу немцу.

Однако тот не растерялся и сразу залепил Марьяну оплеуху. Марьян встряхнулся. Хотелось схватить этого плюгавого гансика и сразу же переломать шейные позвонки...

Но он вспомнил наставление Михалка: «Если когда придется спорить с немцем, соглашайся на все, чтобы тот ни потребовал».

— Данке шон, герр, — произнес он первое, что пришло на память, — бите, герр...

Немец с минуту смотрел внимательно, не зная, как реагировать, потом улыбнулся:

— Зеер гут... Пошийт мне... как это... рубашка...

Он сорвал штору на окне, поднес Марьяну:

— Сшейт мне рубашка... Я вечером прийти...

Марьян с улыбкой на лице, прилагая большие усилия, чтобы ничем не проявить свои истинные чувства, снял с немца мерку.

Тот с конфискованным патефоном и пластинками пошел к дому Кобелихи. Весь день Марьян слышал знакомую музыку. Надежда на то, что кто-то вернет патефон, не оправдалась. Зато вечером немец, как и говорил, зашел, примерил рубашку, посмотрел на себя в небольшое зеркало и довольно произнес:

— Гут. Харашо. Спасибо.

Денег он не дал ни копейки.

* * *

— Марьян, — обратилась к мужу Настя, — идем, там вся улица собралась бить Кобелиху. Идем, она этого заслужила.

— Да ну ее.

Но вместе с женой вышел на улицу.

Вообще Кобелиха никому на улице, если не считать «конфискованного» у Марьяна патефона, ничего плохого не сделала. Но ее не любили. За то, что гуляла с немцами.

На людской гомон из дому вышла старуха Белова:

— Чего вы собрались здесь? — спросила она.

— Пусть выходит эта сучка. Или мы дом подожжем...

— Да что она вам сделала? — не унималась Белова.

— Фашистская подстилка, мы ее разорвем... пусть выходит...

Наконец насколько мужчин рванулись в дом и через минуту за волосы выволокли Кобелиху. Молодая женщина закрывала лицо руками, а все, кто мог дотянуться, били ее, кто не дотягивался, плевал.

— Марьян, пойдем и мы дадим ей. Пусть запомнит наш патефон...

— Брось, — сказал Марьян, — патефон не вернешь, а ей и без нас хватит...

В этот миг на улицу въехал газик с открытым верхом, подъехал к людской толпе и остановился. Из машины вышел военный, властно развел толпу, оттеснив от избиваемой женщины, она бросилась военному на шею и забилась в истерике. Тот усадил ее на сиденье и увез.

Через час после этого стали говорить, что муж у Кобелихи летчик, а она тайком всю войну передавала важные сведения русским. Поди разберись, что правда, а что людские домыслы.

— Хорошо устроилась, — злорадствовали на такие слова соседки женщины, — спала с фашистами, а на наших работала. И волки сыты, и овцы целы.

* * *

Еще одно значимое событие того первого дня освобождения — вскоре после полудня на улицу подъехала машина и военный, открыв дверцу, сказал:

— Мужики, идите в здание бывшей комендатуры, с документами. Явка обязательна.

Марьян на всякий случай попрощался с женой и детьми. К его удивлению, очереди там не было.

Когда он зашел в кабинет, капитан спросил фамилию, имя, отчество, потом полез в какие-то бумаги...

— Так, а чем вы немцам-то не угодили, что вас уволили?

Марьян удивился такой осведомленности новой власти.

— Не знаю. У нас находили бочки сдохлыми крысами, с плесенью, с грязными тряпками...

— Перед уходом немцев где-нибудь работали?

— Сцепщиком на железной дороге.

— Ну, хорошо, работайте. Железнодорожников мы не трогаем. До свидания.

Настя со всех сторон обложилась детьми, словно иконами. Увидев Марьяна, она словно ожила:

— Ты пришел, ты пришел... Что, ты на фронт не идешь? Нет? Господи, пресвятая Дева Мария, спасибо, спаси, Господи.

И она заплакала. А Марьян, вместо того, чтобы успокоить жену, говорил совсем не то:

— Настя, рано радоваться, пойми, нам будет очень трудно: разруха, многие погибли, столько сирот осталось!... Нам, выжившим, придется работать за всех...

— Да разве это беда? Мы остались живы. Мы и наши дети. Теперь будет легче. Были бы мы....

Миронов Василий
(г. Бобруйск, Белоруссия)

ВЕЛОСИПЕД

Миронов Василий Юрьевич родился в 1958 году в городе Нижний Тагил Свердловской области. Окончил Бобруйское художественное училище. Более тридцати лет отработал на старейшем бобруйском предприятии ОАО «ФанДОК» художником-оформителем, столяром-краснодеревщиком. В 2011 году принят в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». В том же году был избран председателем бобруйского отделения БЛС «Полоцкая ветвь» С 2012 года — член Международного Союза Писателей «Новый современник». Победитель международного литературного конкурса «Литературная Вена — 2011», проводимого Фондом РУССКИЙ МИР и Союзом русскоязычных литераторов Австрии, лауреат и победитель литературных конкурсов: международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции — 2012», «Моя Беларусь», «Город мой, ты песня и легенда» и других, награжден Дипломом от мультимедийного Фестиваля «Живое слово». Автор трех сборников поэзии, прозы и публицистики. Живет в г. Бобруйке.

Кончилась война. Такое долгожданное и все равно неожиданное счастливое событие в деревню Коники принесла Настенька — молоденькая девочка-почтальонша из райцентра, сама некогда вышедшая из этих мест. Принесла с небольшим опозданием, но быстрее это и не могло произойти. Коники — самая дальняя деревня от райцентра, а точнее — двадцать семь километров глухих непроходимых лесов и болот, полное отсутствие мало-мальски пригодных дорог для проезда любого вида транспорта, кроме галош. Ну, а главной дорогой в Кониках считалась большая центральная тропа посреди деревни для выгона скота. Но это еще не самые важные «достопримечательности» многострадальных Коников, самая неприятная важность — это отсутствие радиоточки. Вся Белоруссия еще лежала в обожженных руинах, тысячи людей в городах еще не вылезли из землянок и до такой мелочи, как восстановление радиолинии в деревню Коники — еще просто не дошли руки.

Встав ни свет — ни заря, Настенька прошла пешком все двадцать семь километров. Что ж, не впервые... Сколько раз приходилось ей делать это за годы войны! В нестерпимый зной летом, съедаемая гнусом, в лютый холод зимой через заснеженные полудикие тропы — пробиралась она раз за разом с тяжелой сумкой в родную деревню, постоянно рискуя попасть под нападение волчьей стаи. И часто только для того, чтобы принести горькие, сухие официальные строчки казенной бумаги почерневшим от горя матерям и женам — «погиб в бою за деревню такую-то...», или «пропал без вести...». А потом, виновато потупивши взгляд в землю, слушала пронзительный женский крик, поднимавший испуганное воронье над опушкой леса.

Много раз приходилось ей делать это. Шла война и снова и снова Настенька не-

сла в родную деревню последнюю страшную новость в обескровленные семьи, состоящие из одних баб и детишек. Как ни далеки и заброшены были Коники, но никакое бездорожье не уберегло кониковских мужичков. Ушли практически все, а вернулись единицы — поубивала война. Как горько усмехались над своей судьбой бабы — поубивала и добрых коньков и даже коньков-горбунков. Практически — подчистую поубивала.

Однако в этот раз дорога не казалась столь долгой и трудной — с горящими глазами от радостной вести, девочка даже не смогла в нетерпении дойти до домика своей бабушки, а просто забарабанила в первую же хату с края. И снова ее весть встретили слезами, но это уже были другие слезы — самые светлые и чистые слезы Победы!

А жил в крайней избе — дядька Илья. Он вернулся в деревню самым первым, еще год назад. Вернулся без ноги, на массивном огромного размера самодельном костыле и вернулся очень вовремя. Его жена, тетка Евпраксия, пожилая — (она была старше Ильи на добрый десяток лет), вечно замученная женщина с глазами — хоть иконы пиши, померла всего за неделю до его возвращения. Умерла тяжело от редкой тогда болезни, как говорят бабы — от сукОтки зачала. Много позже ее крохотная дочь Анечка, которая нынче была едва выше табурета, станет заслуженным врачом-эндокринологом, профессором, будет жить в столице и преподавать в медицинской академии. Однажды, приехав проведать застрявшего навсегда в дремучих Кониках старшего брата Павла, она поведает — это был диабет. Инсулина, необходимого для жизнедеятельности при такой болезни, как вы понимаете — тогда не было. Уж, больно диковинная на то время была болезнь.

Горевал Илья долго, запил по-черному. Сын-подросток был счастлив хоть какому отцу и не очень старался образумить родителя — да и невозможно было по тем понятиям домостроя перечить или наставлять старшего, да еще отца родимого. Но однажды утром Илья взглянул в большущие глазенки голодной дочери — и отрезвел надолго. Он огляделся на пришедшее в упадок хозяйство, взял в руки костыль и потекли домашние хлопоты.

До войны дядька Илья был очень спорым на дела мужиком, крутой на нрав — он был крут и в работе. Его уважали, многие — боялись. Потеряв ногу, Илья не растерял свои навыки. Позже в Коники вернулись еще некоторые воины и деревня начала оттаивать, оживать. Одним из первых дядька Илья смог завести поросенка. Это был чуть ли не еще один член их семейства, такой любовью пользовался этот розовый пятак, что многие не понимали — что же будет, когда придет время его убивать к столу. Но не это было главным, что имелось в хозяйстве Ильи, главное — это железное чудо — немецкий трофейный велосипед. Вот это было чудо из чудес — не чета поросенку. Изредка, только за особые заслуги — дядька Илья давал какому-нибудь пацану свой трофей проехать по улице. А многие хлопцы только мечтали об этом — просто не умели ездить. Это казалось очень трудным — ехать на двух колесах и балансировать, словно в цирке. Тем поразительнее всему деревенскому люду казалось умение Ильи с одной ногой самому ездить на своем велосипеде. Он ловко приставлял велосипед к лавочке, привязывал к багажнику свой костыль, садился неспешно и, оттолкнувшись, крутил одну педаль уцелевшей ногой. Здорово!

Мечтал об этом и Колька — единственный сын вдовы Никитичны, чудом выжившей его в военное лихолетье, когда тифозный прозрачный скелет уже собирался в потусторонний мир на встречу с архангелами. Колька выжил непонятно каким чудом, но стал с тех пор невероятно худым, бледным и заимел привычку постоянно оглядываться, будто все время боялся, что архангелы еще вернуться за ним, чтобы исправить свою ошибку. Колька неслышно ходил вслед за деревенскими сорви-головами на расстоянии нескольких шагов и постоянно озирался. Да, он точно также,

как и все пацаны, мечтал проехать на знаменитом немецком велике, но такая мелкота, как Колька — не имела практически никаких шансов не только проехать, но хотя бы подержать в руках эту чудо-машину.

Но однажды это случилось. Колька совершил поступок, заслуживающий награды по мнению дядьки Ильи — он спас их поросеночка. Тот просто подкопал дыру под хлипкой дощатой стенкой сарая и, отодвинув доску в сторону — удалился на вольные хлеба в поле. Стать бы ему волчьим обедом и не дожить до новогоднего стола, если бы не Колька. Бдительный мальчик первым обнаружил поросенка вдали от деревни и на пару с Пашкой — сыном Ильи, хлопцы пресекли попытку бегства и не без труда вернули вислоухого на законное место.

Дядька Илья был краток. Он скептически оглядел Колькину невысокую, худющую фигуру:

— На, бери... до околицы и назад.

Удивительно, но у невзрачного мелкого мальчонки это получилось с первого раза! Он летел по улице с выпученными глазами и, не доставая до сиденья, вилял пятой точкой с такой скоростью, что, казалось, тяжелая рама немецкого трофея взлетит вместе с ним, распугивая сумасшедших кур, вылетающих пулей из-под свистевших колес. Колька был счастлив!

Дядька Илья по-прежнему частенько выпивал и, бывало, даже забывал свой велосипед у лавочки на ночь, но никто из пацанов даже подумать не мог, чтобы воспользоваться случаем, взять железного коня и покататься без спросу, не то, что украсть — так его боялись. Боялись и его самодельного костыля, которым Илья на спор мог дыру в дубовой бочке пробить с одного удара. Надо сказать — и сад Ильи был, пожалуй, единственным в Коньках, в котором пацаны ни разу не побывали с ночной вылазкой. Одно его имя охраняло все, что ему принадлежало. К велосипеду не прикасались даже тогда, когда пьяного Илью приносили домой, а позабытый немецкий трофей так и оставался на ночь у любой другой лавочки деревни. Никто не смел взять, а Колька посмел!

Как это могло произойти — не смог бы объяснить никто. Не смог бы и сам Колька. Он просто подошел к забытому в очередной раз пьяным Ильей велосипеду, благоговейно погладил темно-зеленую раму, потрогал бережно, словно те были стеклянными — педали, а потом прыгнул, как сумасшедший на велосипед и погнал! И снова выпученные глаза от счастья полета, и снова неопишуемая радость захлестывает разум...

Колька доехал до околицы, но ему показалось этого мало. Пацан, обезумевший от счастья, рванул дальше, дальше, дальше... и никакая сила не могла остановить этот виляющий тощий Колькин зад из стороны в сторону, словно заведенный маятник. Колька поехал в райцентр. Он был там всего один раз с матерью, когда та взяла его с собой, отгоняя подводу с молоком. И вот он здесь во второй раз. Один! Колька гордо колесил по мощным булыжником улицам и, вдруг, остановился возле знакомого магазина в самом центре. Тогда с матерью они заходили сюда и Колька навсегда запомнил пьянящий запах свежеевыпеченного хлеба, маковых булок и булочек, завернутых сахарными кренделями, особый запах висящих огромными связками крупных баранок. Все это было безумно вкусно и... недоступно. Но запахи подавались бесплатно и Колька решил повторить блаженство.

Он прислонил велосипед к массивным перилам у входных ступенек и вошел в торговое царство бакалейных запахов. Внутри по-прежнему пахло разными вкусами — какие-то соленья, какие-то приправы, бочковая селедка, толстые, присыпанные солью куски сала с темно-красными мясными прорезями по всей длине и с отрезанными на пробу тонюсенькими розовыми ломтиками, еще что-то... а вот и главный запах — запах свежего хлеба. Странно, но он никуда не улетучился с тех пор, и Колька

вдыхал его, пуская слюни, будто старался надышаться впрок, иной раз, жмурясь от удовольствия и оглядываясь по старой привычке за спину. Все было мирно и спокойно. Колька вышел, глянул на перила... и обомлел — велосипеда не было...

В деревню Колька вернулся уже затемно. Едва ступая от усталости, он крадучись пробрался к своему дому. Его никто не видел — деревня уже спала. Никитична все поняла по первому взгляду. Опустившись на колени перед Колькой и, обняв его трясушееся от ужаса тельце, она произнесла шепотом:

— Что же нам делать теперь?..

* * *

Прошло много лет. У Николая Степановича, пробиравшегося на горчичной «Победе» в Коники по узкой гравейке, играла улыбка на лице — как же долго не был он в родной деревне. Улыбка была с оттенком легкой грусти — сапожник без сапог. Крупный начальник дорожно-строительного комплекса так и не смог добиться, чтобы в его Коники провели нормальную дорогу с асфальтным покрытием. Бесперспективная — этим все сказано, хорошо хоть гравейку проложили в вымирающую деревню. Старушка Никитична после того, как чудом пристроила своего мальчика на учебу в город, практически больше его и не видела. Николай строил дороги чуть не по всем республикам возрождающейся огромной страны. Он мотался от Бреста до Дальнего Востока, без отпусков, а часто — и просто без выходных. Страна зализывала страшные раны и отдыхать было некогда. Вот и сейчас он ехал в родные Коники всего на пару дней из коротенького, наконец-то, выпавшего отпуска, проведать старенькую маму, и снова попытаться уговорить ее уехать отсюда к нему в столицу. А что я буду там делать — отвечала она, - тебя все равно там почти никогда не бывает.

По поклаже, крепко привязанной к багажнику на крыше «Победы», хлестнула ветка и дзынькнула по металлу. Николай Степанович снова улыбнулся — там был привязан новенький, еще весь в масле велосипед минского завода. Это для дядьки Ильи. Настоящая радость засветилась на лице Николая, когда он представил, как прикатит велосипед к его дому и скажет:

— А ну, дядя Илья, до околицы и назад...

Радость встречи с мамой была не долгой — она омрачилась тут же, едва он узнал, что дядьки Ильи больше нет. Николай Степанович все же взял новенький велосипед и медленно покатил его к крайнему дому. Пашка, жутко обрадовавшийся неожиданному гостю, поведал после рюмки неведомого коньяка, привезенного Николаем Степановичем:

— Папка замерз прошлой зимой. Выпил хорошо, присел на чужую лавку вечером — так и замерз...

Мужчины выпили, не чокаясь за упокой души, однажды отлетевшей тихим студеным зимним вечером от одноногого кумира мальчишек послевоенной деревни.

— Пошли... — крикнул Пашка после третьей.

Они вышли во двор. Калитка по-прежнему была настежь — она здесь никогда не закрывалась, одноному Илье так было удобней. Николай Степанович молча вернулся, взял велосипед и покатил рядом.

Деревенское кладбище было не очень далеко, но посещалось так редко, что от узкой тропинки след только угадывался. Павел шел первым, отводя ветки. Сзади потихоньку, с трудом протаскивая прижатый к бочине велосипед, плелся Николай Степанович.

— Вот...

Пашка указал на осевшую после зимы могилу из желтого песчаника. Николай Степанович с болью перечитал несколько раз выцветшую фанерку. Ему стало дейст-

вительно горько — несчастный Колька так и не смог вернуть свой священный долг дядьке Илье, и это уже никак нельзя было исправить. Ни-ког-да!

Он вспомнил, как шел тогда утром после страшной ночи, словно на эшафот, к крайнему дому, готовый умереть толи от удара тяжеленного костыля, толи от пронзительных глаз дядьки Ильи, когда тот посмотрит ему в лицо.

Дядька Илья тогда не сказал ни слова. Он действительно долго смотрел Кольке в глаза — и это было страшной любой порки. Когда Илья отвернулся, наконец, и поковылял в дом, Колька вышел на улицу, упал и проплакал полдня от горя и обиды, пока Никитична не забрала его.

Николай Степанович выдвинул велосипед вперед и прислонил к массивному некрашеному кресту. Павел только кивнул чуть заметно и промолчал. Они повернулись в обратную сторону.

* * *

Прошло еще много лет. Николаю Степановичу довелось-таки вести широкую дорогу в родные Коники. Это была не дорога даже, а новейшая международная трасса на Москву и велась она, конечно, не в Коники, а сквозь Коники. Да и Коники-то самих уже не было — к тому времени бесперспективная деревня вымерла окончательно. Не осталось ни одного человека.

По плану трасса проходила прямо через сердце заброшенной деревни — по тропе для выгона скота. Пока бульдозеры сносили последние покосившиеся черные хатки, Николай Степанович, неожиданно для всех назначивший оперативное совещание в передвижном вагончике прямо на участке строящейся трассы, молча выслушал доклады и, без ожидающихся разносов, криков, указаний — поручив продолжать совещание, также неожиданно исчез. Совещание бурно продолжалось, а Николай Степанович уже шел один на старое деревенское кладбище. Маму-то он забрал из деревни давно и похоронил ее на цивилизованном столичном кладбище в черте города. А на это кладбище тропа заросла окончательно. Николай Степанович пробирался с трудом, ветки пару раз больно хлестнули по лицу, сбивая стильную шляпу. Где же оно? Вот!

Как все изменилось... как быстро отступают все признаки человеческих усилий, когда люди навсегда оставляют то, к чему прикасались некогда. Николай Степанович с трудом пролез к могиле дядьки Ильи — боже... у большого черного, ни разу некрашеного креста по-прежнему стоял заржавленный, заплетенный в немислимые травы и ветви — велосипед!

У Кольки сжалось сердце. Надо же — никто не тронул! Сколько лет — и никто не посмел. Колька склонил голову:

— Прости, дядя Илья.

К горящим прожекторам бульдозеров Николай Степанович вернулся уже затемно. Те еще копошились, пофыркивая дымом и выравнивая останки Коники. Работа шла слаженно, без остановок. Личный водитель, увидев подходящего к машине шефа, облегченно вздохнул и засуетился, выжидая команды — он уже давно привык не задавать начальству личных вопросов. Николай Степанович предсказуемо оглянулся по своей всем известной привычке, но на этот раз как-то по-особому — не коротко, взмахом головы, а долго и пристально на темнеющий край леса. Здесь и сейчас он навсегда прощался с самой драгоценной капелькой своей родины — со своим детством и будто старался запечатлеть этот миг навсегда в памяти. Хлопнула дверь черной «Волги», машина вырвалась на дорогу и помчалась в сторону Минска.

А трасса пошла дальше — на Москву.

Валерий Туловский
(г. Молодечно, Белоруссия)

Валерий Туловский родился в 1965 году в городе Молодечно, где и проживает по настоящее время. С 1983 по 1985 гг. — служба в армии. В 1989 году окончил Минский радиотехнический техникум. Женат с 1986 года. Две дочери. Работает по договорам.

Прозу начал писать в конце 80-х годов. Первый положительный отклик получил в 1992 году от журнала «Киви» (Казахстан) на сказки. В середине 90-х работал как «литературный негр» в жанре «женская проза». Точных записей о публикациях не ведет. Под своей фамилией работает как бытописатель.

КОМУ КАК

Почувствовал, что-то гложет внутри, и решил развеяться, выйти на прогулку. Конец августа, и в одиннадцать вечера уже темно; себя в такое время суток редко прогулками утруждал, но в этот раз тянуло особенно...

Час назад побаловался ливень, и теперь умытые улицы искрились глянцем, отражали ломаные городские огни. Обвислые старые листья деревьев ловили слабый ветерок и нечто ему шептали, секретно и с паузами.

Сам того не ведая почему, я поднялся на мост. Словно очнувшись, остановился и припал к узорчатым металлическим перилам.

Мост освещался слабо, оранжевые глаза ламп взирали тускло, скучно.

Я посмотрел вверх и замер.

«Почему никогда не замечал такого благолепия?» — подумал я, созерцая небесное полотно.

Видел... я безоговорочно, явственно видел, что оттуда, именно оттуда, из яркого желтого отверстия луны были разбросаны, рассажены и закреплены на небе золотые кнопки звезд. Вокруг изливалось матовое светло. Полученный фиолет царил вверху, нежил глаза, ласкал душу, навевал безмятежность.

Глубоко и жадно я зачерпнул легкими промытый, свежий влажный воздух.

Хотелось жить!!!

Приняв порцию целебного природного состава, перевел взгляд вниз, за перила, в шуршащую, чернильную, глазированную реку. Там было темно; лишь одиноко манило к себе отражение небесного светила...

Машины беспокоили нечасто в столь поздний час, поэтому неторопливое ровное цоканье женских каблучков заставило привлечь мое внимание.

Повернувшись, я увидел, как по мосту нетвердой походкой в мою сторону направляется девушка. В белом платье и распахнутом бледно-голубом плаще она представлялась мне предвестницей чего-то необычайно важного.

Однако — так хотелось жить!!!

И я улыбнулся девушке, когда она поравнялась со мной. Ее лицо внешне казалось радостным, но бледным, ухмылка настораживала... и не было здорового огонька: притушенные глаза тому причина.

— Привет! — весело, игриво бросил я молодежи.

— Привет, дядя,— отозвалась девушка.— Что? Жизни радуешься?

— Хочется жить! — озвучил я мысль, довлеющую надо мной.

— И я... До свадьбы... До чужой свадьбы,— ухмыльнулась девица.

Затем она, к моему изумлению, с трудом перелезла через перила и, обернувшись, блеснула темными очами — колючими злобными искрами. Внезапный порыв ветра распушил длинные светлые локоны, но девушка откинула рукой волосы с лица и неожиданно заливисто и звонко рассмеялась, рассекая городскую ночную тишину. А потом...

— Это счастье — умереть вовремя,— шепнула она.

Мрачная чернильная река охотно приняла жертву, не дала право на последний вздох, поглотила сразу, накрывая девушку темными кольцами волн... Желтый месяц восторженно запрыгал в воде: ждал долго.

Впрочем, мне жить не расхотелось. Я огляделся украдкой и спешно покинул неприветливый мост.

ПОЖАР

Весь день было жарко, парило, ни единого вздоха ветерка, воздух насыщен зноем. Гнетущая тишина, даже птицы — и те молчали.

После полудня обитатели хутора собрались идти к родственникам в деревню. Решено было вернуться к утру.

Вечером, когда подходило время укрыться солнцу за горизонтом, внезапно подул ветер, настолько сильный, что принес вместо свежести только облако пыли вперемешку с прошлогодними листьями. Вдали, по всему небосклону, появилась темная полоса. Она приближалась быстро, стирая собой голубизну небес, расплывчатый круг солнца, опять голубизну... Через считанные минуты полнеба было окрашено в серые, синие и фиолетовые тона. Где-то посреди этой движущейся палитры выпорхнула молния; но грома еще не было. А тучи наступали, расплываясь, кружась и обгоняя друг друга. Под стать ветру пошел дождь — неожиданный... сильный и колючий. Наконец вздрогнул воздух.

В конюшне лошади почувствовали перемену в погоде. Вороной жеребец стоял вначале спокойно, но его уши чутко улавливали каждый звук, поэтому он слегка дернулся, услышав раскат грома. С этого момента у него появилась некоторая нервозность и настороженность. Тихо храпнув, он начал постукивать копытом об землю. Веревка, державшая его шею и привязанная к столбу, стала вороному противна как никогда; но боли он боялся, поэтому и не делал попытки оборвать ее.

В соседнем стойле находилась кобылица каурой масти и трехнедельный жеребенок. Кобылица также была привязана, но более плотным ремешком: хозяин так решил, когда она несколько раз сумела оборвать веревку и оказалась свободной, оставаясь при этом в стойле; в итоге ремешок помог одержать победу настойчивости хозяина над упрямством лошади. По натуре своей она была уравновешенной кобылицей; вот и теперь каурая стояла, понуриив голову, и ни единый мускул не дрогнул у нее от взрыва грома.

Беззаботно вел себя и жеребенок, лежавший на сене в углу стойла. Эта гроза была первой в его жизни, поэтому он всего лишь поднял голову, когда почувствовал сотрясение воздуха, и вопросительно поглядел на мать.

А природа все больше разъярялась. Вспышки молний и удары грома становились чаще и сильнее, приводя в ужас хуторскую живность. Послышалось тревожное, осторожное похрюкивание и тоскливое мычание, беспокойно вели себя и гуси с утками.

Затем прошел затяжной ливень, пробивавший насквозь соломенные крыши хлева и конюшни. Во время его небо не посылало на землю ни грома, ни молний. Можно было подумать, что гроза отступила.

Но вдруг стало светло, как днем, последовал страшной силы удар, сотрясший воздух. Содрогнулась земля, а вместе с ней и постройки.

Во время ливня узкие струйки воды, найдя прорехи в крыше, падали на сено, и от этого в конюшне потянуло свежим ароматом. Вороному запах понравился, и он стоял смиренно, всюду раздувая мощные ноздри. Однако успокоившийся было жеребец вздрогнул от неожиданного раската грома. В его глазах, больших и влажных, пробежал страх. Каурая беспокойно переступала с ноги на ногу. Озабоченность матери передалась жеребенку. Он, не спеша, поднялся на свои неокрепшие, длинные, худые ноги, неуверенными шажками приблизился к кобылице и поглядел ей в глаза. Неопытный малыш ничего не смог прочесть в них, медленно повернулся и, найдя сосок матери, прильнул к нему.

Через минуту-другую лошадь внезапно дернулась. Подняв морду, она начала принюхиваться. Широкие ноздри уловили запах дыма. Небрежно оттолкнув жеребенка, каурая сделала попытку освободиться сильным движением шеи, но ремешок по-прежнему крепко удерживал ее на привязи. Упавший от толчка матери, малыш неторопливо поднялся, в недоумении поглядел на нее и обиженно отошел к своему уголку.

Беспокойство осторожной кобылицы передалось вороному. Он тоже почувствовал гарь и предпринял шаг к свободе, но безуспешно; боли он боялся.

Дождь прекратился совсем, удары грома становились глуше. Гроза уходила, оставляя о себе память — язык пламени на крыше. Не помог ливень. При каждом дуновении ветра огонь расширился, найдя утеху на соломенной крыше и стенах конюшни.

Вороной первым заметил огонь, дым прибывал с каждой минутой. Запаниковав, жеребец дико заржал и пытался встать на дыбы, но веревка не позволила это сделать. Да, боли он боялся. Однако теперь, с круглыми от ужаса глазами, вороной, напрягая все свои мощные мускулы, в испуге дергал головой. Раз, два... То, что связывало его со столбом, уже болталось на груди. Почувствовав свободу, он кинулся на дверь стойла, но засов оказался надежен. От безысходности жеребец сделал рывок к окошку и с размаху разбил стекло. Высунув окровавленную морду, он жадно глотнул свежего воздуха и вновь заржал.

В это время каурая, глядя на бесившегося жеребца, боролась с ремешком. Наконец, измученная и потная, остановилась. Тяжело дыша задымленным воздухом, она набиралась последних сил. Огонь полыхал всюду, начали трещать стропила. Каурая понимала, что у нее осталась лишь одна попытка. Собравшись, она резко рванула, становясь на дыбы. Ремень лопнул, оставляя кровавый след на шее лошади; но боли кобылица не чувствовала...

А малыш, растерянно глядя на взрослых лошадей, от страха забился в угол. Он лежал в сене, словно спрятавшись: только мордочка с огромными глазами и острые длинные уши виднелись в темноте.

Избавившись от ремешка, каурая заржала и, повернувшись задом, копытами лягнула по дверце. Затрещали доски и запор, но остались целы. Сделав два круга по стойлу, лошадь с разбега предприняла новую попытку разбить дверь. Ей это удалось. Открылась. Каурая стремительно побежала к воротам, которые были закрыты на одну жалкую палочку-засов.

Увидев, что подружке удалось, вороной также с разгона ударил по двери своего стойла. Тяжелых, мускулистых ног завесы не выдержали; жеребец, не глядя на бешено кипящий огонь, понесся к выходу.

Пламя уже давно перетекло с крыши на стены, постепенно слизывая их. А жеребенок, оставшись один, все лежал, тяжело вдыхая раскаленный воздух и густой дым.

Когда кобылица готова была протаранить собой ворота, она вдруг услышала писклявый крик жеребенка — крик боли. Это головешка, съеденная огнем, упала на него с крыши, опалив бок. Малыш от боли быстро, как сумел, поднялся и нетерпеливо затопал на месте худыми ножками. Дальше стойла он идти не решался, сено, где лежал, уже горело, и жеребенок прислонился к нетронутой огнем перегородке. Сквозь дым ему стало видно, как возвращается мать.

Каурая вернулась. Она лизнула своего малыша, успокаивая и прося прощения за побег. Затем, тыкая мордой, пыталась толкнуть его к проходу; однако жеребенок по-прежнему стоял на месте, пугливо глядя на кобылицу. Она, решая подсказать путь к спасению, отбежала к сломанной двери. Малыш потянулся мордашкой в ее сторону, но не ступил и шагу. Каурая постояла минуту и вновь подошла к жеребенку — неторопливо, гордо. Она поняла, что малыш останется здесь. Лошадь не ощущала, как теперь на ее спину падали горящая солома, тлеющие куски досок, что ее шерсть и грива потрескивают от жары. Она с нежностью два раза лизнула жеребенка в обгоревший бок, затем прижалась к дрожавшему — может быть, от страха, может, от боли — тельцу малыша и стала ждать...

Спустя минуту обильно посыпались искры, что-то натянуто заскрипело, и крыша плавно осела, вздымая вверх огненный крутящийся столб.

Утром на хуторе стоял запах гари от пепелища. Но подальше, на лугу, было хорошо и красиво: воздух свеж, легок, прозрачен; влажная, молодая, яркая трава и солнечные одуванчики; а в конце луга, возле самого леса, мирно пасся жеребец-вороной, с опаленными гривой и хвостом.

Михаил Шнитко
(г. Полоцк, Белоруссия)

Шнитко Михаил Федорович родился в 1948 году в дер. Круки Докишцкого района Витебской области. Окончил Витебский ветеринарный институт. После окончания института в 1972 году служил в СА на Дальнем Востоке. Первый рассказ «Отчего вымерли мамонты» о судьбе вымирающей деревни, проникнутый юмором и трагизмом, был напечатан в Витебской областной газете «Народное слово». Автор книги юмористической прозы «А еще был случай...» (2010). Живет в дер. Полота Полоцкого района.

БЕРЕЗКИ, БУДЬТЕ СВИДЕТЕЛЯМИ

В одном местечке Западной Белоруссии жили по соседству два брата, старший Иван и младший Кузьма. Жили по тому времени крепко. Оба занимались торговлей. Держали на двоих магазин, в котором хозяйничала жена старшего брата Авдотья.

За товаром ездили туда, где можно купить подешевле, а здесь продать подороже. Не брезговали они и контрабандой, благо местечко находилось в приграничной зоне. Переплыли мелководную речушку,— и ты уже в Советской России. Пограничники, как со своей стороны, так и с той, были прикормлены, и братьям ничего не стоило темной ночью перевезти тюки с товаром на ту сторону, где их по договоренности ожидали местные подельники, а оттуда,— на свою.

Польские власти «местечка», имея «на лапу», сквозь пальцы смотрели на все художества братьев.

Старший брат Иван по сравнению с Кузьмой был более домовитым и более жадным. У него и «поношку табаку» мужик в долг не выпросит. Под стать ему была и его жена Авдотья. Может, поэтому Господь Бог не дал им детей. Младший брат Кузьма, напротив, был широк душой и веселый нравом. После почти каждой удачной сделки он по обыкновению приглашал соседей и друзей. И начинался пир горой!

Его ласковая и добрая жена Мария для вида ворчала, глядя на радостные проделки мужа, но с гостями была хлебосольна и приветлива.

Старший брат Иван считал Кузьму вертопрахом и, слыша веселье в его доме, презрительно плевался. Сам же трясся над каждой копеечкой. Целью его жизни было стремление откупить у пана мельницу. Несмотря на хорошие барыши от торговли, денег на это в кубышке еще не хватало.

И вот однажды они с братом уехали с товаром далеко и надолго. Сделка получилась более чем прибыльной.

Возвращаясь домой в экипаже, запряженном парой лошадей, Кузьма, уже успев-

ший выпить, хохотал и, похлопывая по туго набитому кошельку, подмигивал Ивану. Тот сидел насупившись и думал: «И на кой черт такие деньжища этому ветрогону? Все равно промотает, а мне как раз бы хватило на покупку мельницы».

Решение пришло в густом лесу, уже на подъезде к дому. Он повернулся к задремавшему брату и сказал: «Просыпайся! Сейчас повернем на красивую поляну и отметим удачную поездку».

Через давно не езженную дорогу, поросшую молодыми березками, они съехали на открытое место. Уже наступила глубокая ночь. Кроваво-красная луна, зависшая над верхушками деревьев, неверным светом освещала поляну, поросшую кое-где молодым березнячком с только что распустившейся молодой листвой.

Расположились на бугорке с цветущим курослепом и едва пробившейся через прошлогоднюю насушь, молодой травкой.

Выпили по рюмке, потом по второй. И Иван, сославшись на то, что надо проверить, как привязаны лошади, пошел к экипажу. Там засунул руку под сидение, вытащил большой охотничий нож.

Спрятав его за голенище сапога, пошел к сидящему перед разостланной скатертью брату. Подойдя к нему со спины, он со всей силы ударил ножом под левую лопатку. Брат, захрипев хлынувшей горлом кровью, спросил: «За что, брат?», а потом, теряя сознание, прошептал: «Березки, будьте свидетелями...»

Иван схватил недопитую бутылку водки и, клацая зубами по горлышку, опустошил ее до дна. Потом, отдышавшись, зло прошипел: «Будут они тебе свидетелями — только жди».

Сходив к экипажу за лопатой, он в этом бугорке, где только что трапезничали, вырыл яму и сбросил туда убиенного брата. Замаскировав прошлогодней листвой и валежником место злодеяния, еще раз угрюмо произнес: «Вот тебе и все свидетели».

На утро Иван на вопрос Марии, где ее муж, невнятно ответил, что тот по каким-то своим делам остался в городе. Мария, зная загульный характер супруга, немного успокоилась. Но прошел день, второй, неделя, а он так и не появлялся. Мария упростила Ивана свозить ее в тот город, поискать пропавшего супруга. Но там никто его не видел и никто о нем не слышал. Правда, один шинкарь говорил, что пьянствовал у него какой-то молодой мужчина, но был ли это муж Марии, он толком сказать не мог. Так ни с чем возвратилась домой безутешная Мария.

Иван же, используя деньги убиенного брата, откупил у пана мельницу. Первое время он помогал по мелочам вдовой Марии и двоим ее малолетним сыновьям, а впоследствии и это стало ему в тягость. Мария, помыкавшись в бедности, продала свой дом в «местечке» и переехала жить на отдаленный хутор. Все-таки проще догадывать сыновей на своем хозяйстве.

Так прошло десять лет. Богатство, приобретенное Иваном на крови своего брата, не шло ему впрок. Каждый раз в годовщину пролитой братней крови к нему ночью являлся Кузьма с вонзенным ножом и с немым укором смотрел на своего убийцу.

С диким криком выбегал тогда из спальни Иван и до самого утра неприкаянно бродил по двору, а рядом с ним до самого утра колыхалась неупокоенная тень брата. Со временем у Ивана появились припадочки, начал мутиться разум. Не помогали доктора — ни свои, ни далекие знахари. На вопросы жены Авдотьи, что с ним, Иван с руганью и кулаками набрасывался на нее. Но вот однажды проезжал с женой мимо того места, где принял лютую смерть Кузьма, Иван будучи в добром подпитии, посмотрев на уже выросший березняк, со смехом произнес: «Ну что, свидетели, молчите?!». Авдотья, как репей, прижалась к мужу: «Что за свидетели? Какие свидетели?». Иван под страшной клятвой от нее признался в содеянном. Но как говорят: «Жаба — жабе, а баба — бабе».

И вот однажды ночью в годовщину гибели брата, когда Иван в беспмятстве бродил с братней тенью, по двору к дому подъехала телега с сидящими в ней высокими красивыми молодцами. К Ивану сразу вернулся разум и он догадался, что непрошенные гости — это его выросшие племянники. Нисколько не сопротивляясь, он дал связать веревкой руки, сел в телегу и поехал показывать то кровавое место. За ним, колыхаясь, двигался призрак его брата. Как и тогда, кроваво светила над лесом луна, пахло молодой майской листвой. С трудом найдя ту самую поляну и заросший прошлогодней травой бугорок, Иван залился горькими слезами. Когда-то призванные в свидетели молоденькие березки стали ладными деревцами.

Братья очистили бугорок могилки от мусора, принесли с телеги и установили крест, расстелили на могилке белую скатерть, на которую выставили бутылку водки и кое-какую закуску. Помолвившись и развязав руки Ивану, пригласили того помянуть их отца и его брата. Потом, некоторое время посидев молча, поднялись и отправились к телеге. На вопрос Ивана, а что с ним будет, старший из братьев ответил: «Бог тебе судья, дядя!». И они уехали. Иван оглянулся вокруг — тени брата уже не было.

Он встал, спокойно сделал из брошенной веревки петлю и выбрал на ближайшей березке сук потолще.

МУРАВКА

В одном из музеев выставили картину одного из современных художников — она называлась «Корова на лугу». Люди смотрели на пустое полотно и спрашивали:

— Какой это луг? Здесь нет никакой травы. И где корова?

Экскурсовод терпеливо отвечал не понятливым:

— Нет травы на лугу? — так корова ее съела.

— Нет коровы? — так она ушла, что ей делать на пустом месте?

Куда уходят буренки? Об этом и пойдет наш рассказ...

Раннее осеннее утро. Еще потемки. Первый легкий морозец посеребрил траву. Корова Муравка, услышав, как открылась дверь дома и звякнуло ведро, высунулась из проема сарая насколько позволяла цепь. Обдав хозяйку теплым дыханием и лизнув руку, протянувшую краюшку хлеба, уступила место для доения. Зажмурив от удовольствия глаза, когда хозяйка начала обмывать вымя теплой водой и вытирать сухой тряпкой, Муравка начала с сопением жевать жвачку. Вдруг, прекратив жевать, Муравка задумалась. Что-то последние дни хозяйка с ней особенно ласкова — и за ушком почешет, и комбикорма больше сыпанет. А вчера вечером обняла за шею, что-то там шептала и глаза у нее были мокрые. Она даже подумала, может быть, чем-то обидела свою добрую хозяйку.

Вроде бы каждый год приносит хороших здоровых теляток. Сколько их было? Наверное, пять. Одна, особенно удалая дочка, радует соседку добрым нравом и хорошим удоем. Привела она двух красивых теляток и сейчас вовремя покрылась. Да и сама Муравка плод носит.

Вот и конец дойки — целое ведро бело-пенного молока надоила хозяйка. Хватит и себе, и на продажу останется. Плеснув в плошку давно ожидающим молока котам, понесла его на процеживание.

Через некоторое время, отвязав цепь и слегка, для порядка, стеганув хворостинкой, хозяйка выпустила Муравку со двора. Проходя мимо сеновала, Муравка с тревогой отметила, что там нет и охапки сена.

Из разговоров хозяев Муравка поняла, что с каждым годом его все труднее заготавливать. Может, только где купят. Не будет же она всю зиму голодной. А, может быть, колхозное начальство распорядится за умеренную плату подвезти несколько

рулонов сена. Ну, как в Докшицком районе. Эту новость она услышала и через пятое-десятое поняла от приезжего, который разговаривал с хозяйкой о деревенских новостях. Задумавшись, и не заметила, как пришла на пастбище.

Немногочисленное стадо собралось почти все — а было когда-то, что не протолкнуться, и молока давали едва не половину совхозного. Промычав, поздоровалась. Кое-кто из товарок, оторвавшись от травы, ответил ей. Но что-то тревожно на сердце. Присмотрелась — нет ее дочки Зорьки. Вдруг услышала звук приближающейся машины и такое знакомое родное мычание. Проезжая в кузове мимо стада, Зорька уже не мычала, а редела и рвалась с привязи. А в кабине Яшка-живодер что-то весело обсуждал с шофером. Только за эту осень он половину и так небольшого стада перерезал. Некоторых коровок разделявал прямо здесь, недалеко от пастбища, подвешивая несчастных на толстый сук старого тополя. И долго ревели и копали копытами пахнущую кровью землю некоторые коровы из стада (и это после того, что нас называют священными животными?). Очнувшись от невеселых дум, она, прыжками покинув стадо, с жалобным мычанием долго бежала за удаляющейся машиной. Но разве ей угнаться за железным конем?

На следующее утро Муравку не выгнали на пастбище. Долго с тревожным мычанием она ожидала хозяйку. А когда услышала знакомый страшный звук подъезжающей машины, — поняла все!

ПО ТУ СТОРОНУ ДИАГНОЗА

Тетя Женя наконец-то отмучилась. Долгая страшная болезнь высушила и изжелтила когда-то полнокровное тело пятидесятилетней женщины. Похоронить себя завещала в соседнем районе на родовом кладбище. Виктор, ее племянник, вместе с ближайшими родственниками трясся в кузове выделенной колхозом для похоронных целей летучке. Когда ехали асфальтом, было еще ничего, но когда свернули на грунтовку, ведущую к той деревне, где когда-то, до замужества, проживала тетя, начались сплошные гребни давно не грейдированной дороги. Трясло грузовик так, что гроб с телом едва не переворачивался.

И от этой тряски на одной из колдобин тяжелая крышка гроба отскочила и ударила по ногам сидящих вдоль борта. Дядька Иван, которому больше всех досталось, едва ли не с матами достал молоток и загнал почти до шляпок крепившие крышку гвозди. На замечание кого-то из родственников, как будут ее снимать на кладбище, он пробурчал:

— Есть плоскогубцы — снимем.

Наконец, мучения провожатых и, возможно, покойницы закончились. Грузовик, ведомый сидящим в кабине мужем покойницы, остановился у заросшего хмызняком погоста. Деревни, где когда-то хоронили ее жителей, давно уже не было, и похороны были здесь редки. Четверо мужчин с трудом занесли сделанный из толстых досок гроб на холмик вырытой из могилы земли. Дядька Иван, сопя, плоскогубцами начал вытаскивать из крышки крепежные гвозди. Три выпали относительно легко. Четвертый упрямо не поддавался — никак не удавалось прочно зацепить за шляпку, а возможно, он попал в сук. Наконец, изловчившись, дядька Иван начал со скрипом его тянуть. И в самом конце гвоздь с громким, на все кладбище, скрипом «КррРАК» был вытасчен, как бы еще раз обнародовав страшный диагноз усопшей. Замолчали провожатые, в нервном ознобе вздрогнул Виктор. У него, сорокалетнего, крепкого жизнерадостного мужика, разговор или напоминание об этой страшной болезни вызывали душевное расстройство. Не то чтобы он панически боялся, просто, как фаталист верил в злой рок — и было от чего. От онкологии у него умерли мать, два брата, Ни-

колай и Антон, а также давно тетка Шура, бездетная вдова, которая проживала в его семье и всю нерастрченную любовь отдала ему, в ту пору самому младшему в семье — баловню Витьку.

И вот сегодня хоронят тетку Женю. Долго она прожила после операции на желудке — лет пятнадцать. Может, прожила бы и дольше, если бы не послушалась советов одного знахаря. Тот подсказал, что для излечения этой болезни надо глотать дуст (ДДТ) и запивать керосином. Так и глотала несчастная все годы отраву — хотя кто знает, если бы не глотала эту заразу, может и больше прожила, а может и меньше. Одному Богу известно.

После тягостных минут прощания гроб с телом предали земле. На могильном холмике помянули покойницу, и голодные, озябшие люди быстро садились в машины в обратный путь, где их ожидал поминальный стол.

